

ГЛАВА II.

1863 годъ.

I.

«Наша политика, въ истинныхъ интересахъ Россіи и династіи, должна оставаться такою, какой она была въ прошломъ—монархической и антипольской»,—писалъ Нессельроде въ мемуарѣ, представленномъ императору Александру II наканунѣ Парижскаго конгресса 1856 года. «Со времени раздѣла Польши, между Россіей, Австріей и Пруссіей существуетъ солидарность интересовъ, и мы—та изъ этихъ державъ, для которой эта солидарность всего необходимѣе. Это хорошо доказала польская революція...»¹⁾.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Николая I имѣлъ въ виду, конечно, 1831 годъ; ему и не грезилось, что онъ пишетъ почти наканунѣ новой «польской революціи», начало которой еще застало его въ живыхъ. Для иллюстраціи «русско-прусской дружбы» берется, обыкновенно, именно эта *вторая* польская революція, или даже, точнѣе, заключительный ея актъ: повстанье 1863 года. Ниже мы увидимъ, есть ли у этого послѣдняго историческія права быть такой иллюстраціей. Пока замѣтимъ, что Нессельроде, какъ историкъ, былъ въ своей ссылкѣ совершенно правъ; той развязки трагедіи 1830—31 г., какую она имѣла, безъ участія Пруссіи нельзя себѣ представить. Вопросъ: «Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?»—намъ кажется теперь риторическимъ. Быть-можетъ, онъ былъ такимъ и для Пушкина, не посвященнаго во всѣ военные и дипломатическія тайны своего времени. Но когда вы читаете секретныя для современниковъ письма Николая Павловича къ Паскевичу, гдѣ императоръ—уже послѣ побѣдной вѣсти—не можетъ забыть «трехъ нескончаемыхъ дней», которые онъ прожилъ «между страхомъ и надеждою, въ ожиданіи роковыхъ вѣстей», когда вы видите другое письмо, гдѣ тотъ же авторъ признается, что его «била лихорадка» при чтеніи рапортовъ Паскевича,—вы начинаете понимать, что для людей, посвященныхъ въ дѣло, исходъ далеко не разумѣлся самъ собою даже въ августъ 1831 г., когда побѣдоносная русская армія уже стояла подъ стѣнами Варшавы²⁾. Еще менѣе могъ онъ разумѣться самъ собою за полгода раньше, когда эта армія отступала отъ этихъ стѣнъ, послѣ Грохова. «Ляхъ» имѣлъ нѣкоторыя объективныя основанія быть «кичливымъ», и наказывать его за это качество исключительно домашними средствами не представлялось возможности. Когда для Петербурга стало ясно, что гроховская побѣда представляетъ собою довольно точное воспроизведеніе побѣды Беннигсена надъ Наполеономъ I, поведшихъ къ тильзитскому миру,

¹⁾ «Lettres et papiers», XI, 113—115.

²⁾ Цитаты взяты изъ писемъ Николая I, датированныхъ 26 августа и 4 сентября 1831 г. См. Щербатова «Ген.-фельдм. Паскевичъ», франц. изд. т. IV, стр. 78 и 191.

Николай Павлович рѣшилъ взять дѣло въ руки самъ (стратегическая безпомощность Дибича была уже внѣ всякаго сомнѣнія). И вотъ что писалъ онъ тогда (въ апрѣлѣ 1831 г.): «Всѣ выгоды, коими мы обладали въ началѣ кампаніи, совершенно потеряны вслѣдствіе ряда несчастныхъ обстоятельствъ, которыя бесполезно здѣсь перечислять, но которыя дѣлають исходъ войны въ настоящую минуту проблематическимъ. Наша армія вынуждена отступить къ границѣ (русско-польской), для того, чтобы сосредоточиться и постараться найти продовольствіе, котораго ей совершенно не хватаетъ, и есть основаніе опасаться, что его не удастся собрать ни скоро, ни даже въ достаточномъ количествѣ изъ-за голода, царствующаго на Волыни, и полного недостатка всего, на что мы могли разсчитывать, въ Литвѣ съ тѣхъ поръ, какъ эта область возсталала». Все необходимое приходилось добывать изъ внутренней Россіи, связанной съ театромъ войны тысячами верстъ отвратительной дороги,—а потомъ нужно было вести наступленіе по странѣ, нарочно опустошенной непріателемъ, среди возставшаго населенія, «сопротивленіе котораго будетъ упорно» (отъ себя самихъ не скрывали, что возсталала отнюдь не одна «шляхта», а именно польскій народъ...). «Я предлагаю совсѣмъ другой планъ. Вотъ онъ. Немедленно закупить, по какой бы цѣнѣ ни было, хлѣба и фуражу, чтобы устроить магазины вдоль прусской границы и даже въ самой Пруссіи, относительно чего легко столковаться съ ея правительствомъ...» Взявъ своей базой Пруссію, нужно было, конечно, держаться какъ можно ближе къ этой базѣ, что давало еще и дополнительную выгоду, прикрытія тыла и праваго фланга наступающей русской арміи. Отсюда планъ, повидимому, лично принадлежавшій имп. Николаю, показавшему себя, въ этомъ случаѣ, лучшимъ стратегомъ, нежели его «забалканскій» фельдмаршалъ—фланговаго марша къ Остроленкѣ и дальнѣйшаго наступленія черезъ Праснышъ и Пултускъ, къ Плонску и Плоцку, съ переправой «у Плоцка или ниже», т.-е. около самой прусской границы, черезъ Вислу, «для чего надо нанять или купить суда въ Пруссіи». Затѣмъ русская армія оказывалась въ тылу у поляковъ, и получалась еще одна дополнительная выгода: обрѣзались «моральные пути сообщенія непріятеля съ Европой» ¹⁾.

Путь къ Варшавѣ шелъ черезъ Берлинъ. Дипломатически, разумѣется: когда, нѣсколько наивно усвоившій себѣ планъ своего государя, Дибичъ сталъ требовать у пруссаковъ пропуска русской арміи черезъ прусскую территорію (это было, конечно, еще проще фланговаго марша вдоль прусской границы), берлинскій кабинетъ отвѣтилъ угрозой двинуть въ Познань 400.000 штыковъ. Даже и по части продовольствія пруссаки не были такъ предупредительны, какъ отъ нихъ ожидали. Смѣнившій чрезвычайно во-время умершаго отъ холеры Дибича Паскевичъ (вызванный еще раньше изъ Закавказья, специально для выполненія изложеннаго плана имп. Николая) жаловался потомъ, что пруссаки четыре мѣсяца пекли такое количество сухарей, какое русскіе хлѣбопеки могли приготовить въ пять дней. А наемъ прусскихъ подводъ и лодокъ прусская администрація,—изъ-за холеры или подъ предлогомъ холеры, какъ казалось Паскевичу,—обставляла такими формальностями, что прусскіе крестьяне отказывались отъ сдѣлокъ, при всей ихъ выгодности. Какъ бы то ни было, въ общемъ и цѣломъ планъ былъ осуществленъ, именно, благодаря пруссакамъ: Паскевичъ

¹⁾ Ibid 189—191. Записка (по-французски, въ оригиналѣ) ошибочно помѣчена июлемъ. Правильную датировку—22 апрѣля см. на стр. 13 того же тома.

нашелъ даже возможность переправить свою армію черезъ Вислу почти на прусской территоріи—«черезъ два острова, которые на нашихъ картахъ значатся принадлежащими Пруссіи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они находятся еще въ предѣлахъ Царства Польскаго». Надобно думать, что у польскаго главнаго штаба карта была та же самая—и на этомъ былъ построенъ расчетъ русскаго главнокомандующаго. Пруссакіи этого расчета не испортили—въ принципѣ они соглашались даже на большее, на доставку русской осадной артиллеріи моремъ, черезъ Пиллау или Данцигъ: очевидно, фраза о «400.000 штыковъ» предназначалась не столько для Россіи, сколько для Европы. Если и послѣ этого въ Петербургѣ иногда случались приступы лихорадки, а на фронтѣ—чрезвычайно загадочныя «контузіи», лишившія русскую армію отвѣтственнаго главнокомандующаго въ самую критическую минуту (тѣло шло только объ отвѣтственности—военныя операціи велись, не хуже и не лучше, начальникомъ штаба «контуженнаго» Паскевича, Толемъ), если Варшаву пришлось брать съ неслыханнымъ, по тогдашней войнѣ, кровопролитіемъ¹⁾—это только двало еще рельефнѣе заслугу прусскаго правительства. Въмѣстѣ со, «славой и хвалой Богу всемогущему» и «доблестному отцу командиру» (такъ Николай I имѣлъ привычку называть Паскевича, подъ начальствомъ котораго онъ когда-то командовалъ бригадой, въ бытность великимъ княземъ (не мѣшало бы сказать небольшое спасибо и пруссакамъ. Николай Павловичъ пренебрегъ этимъ—онъ вообще не любилъ, когда ему помогали нѣмцы; т.-е. не любилъ вспоминать объ этомъ—отъ дня 14 декабря, напримѣръ, онъ запомнилъ почти только однѣ русскія фамиліи: а остзейское дворянство съ гордостью вспоминало этотъ день, и по праву...

Едва ли, впрочемъ, нѣмцы и старались ради платонической благодарности: на сенатской площади остзейское баронство било въ зародышѣ самаго страшнаго врага, какой могъ ему присниться—политически свободную Россію. Какой *свой* интересъ находили прусскіе министры, отдавая поляковъ на жертву Николаю? Съ перваго взгляда можетъ показаться, что тутъ дѣйствовала просто круговая порука всѣхъ абсолютныхъ монархій, къ которымъ принадлежала тогда и Пруссія,—да еще монархій, владѣвшихъ кусками Польши. Но польская политика Пруссіи въ тѣ дни, опять-таки, вовсе не была чѣмъ-то само собою разумѣющимся. Подробно разобранныя въ первой части этого очерка отношенія Пруссіи къ Россіи, на почвѣ таможеннаго вопроса,—а начались эти отношенія, мы помнимъ, еще при Александрѣ I,—побуждали прусское правительство относиться съ крайней осторожностью къ находящимся въ прусскомъ подданствѣ познанскимъ полякамъ. Никакъ нельзя было уступить въ либерализмъ Александру, давшему «своей» Польшѣ особую конституцію—и пруссаки доходили даже до попытокъ формировація особой, національной польской арміи въ познанскомъ герцогствѣ. 1831 г., конечно, очень упростило дѣло: характерно, что именно около этого времени намѣстникъ-полякъ въ Познани смѣняется прусскими чиновниками, ведущими опредѣленную политику онѣмечиванія²⁾. Но поскольку таможенный конфликтъ оставался, сохраняли свою силу и старые мотивы прусскаго поведенія. Пруссія чрезвычайно плохо соблюдала извѣстный намъ «картель», обязывавшій ее выдавать

1) По донесенію Паскевича, изъ строя выбыло почти 11.000 человекъ—около 20% всей русской арміи. См. Щербатова, тамъ же, стр. 120.

2) См. объ этомъ въ статьяхъ, печатавшихся въ «Голосѣ Минувшаго». Р. «Валеріанъ Лукасинскій» (май 1913) и Н. И. Карьева «Польская революція 1848 г. въ Вел. Герц. Познанскомъ» (сентябрь 1915 г.).

Россіи дезертировъ и политическихъ преступниковъ. Но «попуститель-ство» шло дальше и этого. Въ 1845 г., рассказываетъ біографъ Паскевича, «фельдмаршалъ вынужденъ былъ обратить вниманіе (прусскаго) министра, гр. Арнима, на рѣзкость языка (по отношенію къ Россіи) познанской прессы. Ея брань, «терпимая цензурой, не можетъ, разумѣется, оскорбить Россіи». Но тотъ фактъ, что прусское правитель-ство терпитъ эти дерзости, можетъ внушить полякамъ мысль, что оно сочувствуетъ ихъ стремленіямъ. И однако же, прибавлялъ фельдмар-шалъ, мюнхенгредская конвенція (1833 г.) еще не отмѣнена, а она обязывала державы, владѣющія территоріей бывшей Польши, помо-гать другъ другу въ томъ, что относится къ польскому вопросу¹⁾. Подъ вліяніемъ революціи 1848 г. дѣло пошло еще дальше. «Императоръ чрезвычайно возмущенъ ошибками прусскаго правительства въ Поз-нани», писалъ Нессельроде Мейендорфу 3 іюня этого года:—результатомъ была серьезная депеша, написанная почти цѣликомъ подъ диктовку императора, и приказаніе вамъ объясниться прямо съ коро-лемъ... Пунктъ, на которомъ императоръ особенно настаиваетъ, это, чтобы въ польской части герцогства Познанскаго не формировали ядра польской арміи, съ ея (національными) цвѣтами и всей этой мишурой, предназначенной для возбужденія сосѣдей»²⁾.

Какъ видимъ, польская армія подъ прусскою командой вовсе не такое новое явленіе, какъ можетъ показаться. И если въ 20-хъ годахъ ее можно было счесть подражаніемъ русскому образцу,—у Александра I тоже была «національная» польская армія, кадры той, которая доста-вила въ 1831 г. столько хлопотъ Дибичу и Паскевичу,—то въ концѣ царствованія Николая явленіе, несомнѣнно, могло претендовать на оригинальность. Одна оригинальность вызываетъ другую: въ противо-вѣсъ «польскимъ легіонамъ» Мѣрославскаго, которые, впрочемъ, изъ стадіи проекта не вышли, Николай Павловичъ, какъ мы знаемъ, завелъ дружбу съ Французскою республикой. Было ли и это вполне ориги-нально? Поскольку рѣчь шла о *республикѣ*, несомнѣнно; но что ка-сается вообще союза съ Франціей противъ Пруссіи, тутъ едва ли не было хорошо протоптанной колеи. Въ извѣстномъ смыслѣ прелюдій къ польской революціи 17-29 ноября 1830 г. были обширные моби-лизационные планы Россіи, готовившейся выступить на защиту только что низвергнутыхъ іюльской революціей Бурбоновъ. Польская армія должна была составить авангардъ общаго наступленія, и Дибичъ, по-сланный въ Берлинъ склонять прусскаго короля присоединиться къ Николаю I (Фридрихъ-Вильгельмъ III не обнаруживалъ къ этому рѣши-тельно никакой охоты),—Дибичъ готовился не воевать съ поляками, а вести этихъ послѣднихъ на Парижъ. Почему Пруссія относилась къ этому походу съ такой замѣтной антипатіей? Маленькая черточка изъ записокъ Бенкендорфа (просмотрѣнныхъ и исправленныхъ Николаемъ) вскры-ваетъ петербургскую точку зрѣнія на готовившуюся войну: «положеніе вещей (во Франціи) тѣмъ болѣе огорчаетъ императора», записалъ Бенкендорфъ, «что онъ не переставалъ желать, чтобы эта держава, *его естественная союзница*, чтобы эта нація, къ которой нашъ народъ относится съ такимъ сочувствіемъ, всегда была великой, богатой и сильной»³⁾. Война 1831 года (походъ предполагалось начать въ де-

¹⁾ Щербатовъ, цит. соч. V, 293.

²⁾ «Le tetreset papire» IX, 108.

³⁾ Беремъ цитату у Шимана «Geschichte Russlands unter Nikolaus I. III, 16 pr. I. Документы о польской мобилизации см. въ извѣстномъ сборникѣ Ангеберга.

кабрѣ 1830 года), еще болѣе, чѣмъ кампанія 1814 года, должна была быть войной не противъ народа, а только противъ правительства—противъ Луи-Филиппа. Оттого не безъ задней мысли, не безъ разсчета на старыя франко-польскія симпатіи, такъ охотно и пускали впередъ поляковъ, которымъ въ только что окончившейся русско-турецкой войнѣ 1828—29 г. не было дано никакого участія. И какъ разъ къ тому моменту этой послѣдней войны, когда военное счастье, какъ будто, заколебалось, относятся чрезвычайно любопытные переговоры русскаго двора съ послѣднимъ Бурбономъ, тогда еще прочно сидѣвшимъ на своемъ престолѣ. Цитируемый нами нѣмецкій историкъ, отмѣтивъ «интересность» приведеннаго имъ мѣста мемуаровъ Бенкендорфа, не находитъ нужнымъ освѣжить въ памяти своихъ читателей, этотъ эпизодъ, къ которому съ такимъ заслуженнымъ вниманіемъ отнесся французскій историкъ русско-французскаго союза. «Въ тотъ моментъ», пишетъ онъ, «когда арміи царя Николая шли на Константинополь¹⁾, русскій кабинетъ нашелъ моментъ удобнымъ, чтобы начать переговоры съ французскимъ дворомъ, стремясь лишить его поддержки Англію и Австрію, которыя этой поддержки добивались для того, чтобы помѣшать русскимъ утвердиться на Востокѣ. Царь принялъ въ соображеніе территоріальныя требованія французскаго правительства, какъ они были формулированы въ 1821 г., и ввелъ тайные переговоры въ Берлинъ, добиваясь согласія Пруссіи на эти требованія. Къ содѣйствію Франціи онъ обратился официально, *предлагая заплатить ей линіей Рейна*, уступки которой (Пруссіей) онъ обѣщалъ добиться. Передъ такимъ формальнымъ предложеніемъ, Карлъ X запросилъ мнѣніе своихъ совѣтниковъ. Тѣ поручили формулировать это мнѣніе Шатобріану. Шатобріанъ безъ ошибки опредѣлилъ положеніе: Россія, черезъ 15 лѣтъ послѣ трактатовъ 1815 г., даетъ Франціи случай ихъ разорвать. Составленный имъ по этому случаю мемуаръ великолѣпенъ. Онъ дышитъ самымъ проникательнымъ патріотизмомъ. «Союзъ съ Россіей», пишетъ онъ, «дастъ намъ случай пріобрѣсти опорные пункты въ Архипелагѣ и отодвинуть нашу границу до Рейна. Мы можемъ сказать Николаю: ваши враги ищутъ нашей поддержки; мы предпочитаемъ миръ войнѣ: мы желаемъ сохранить нейтралитетъ. Но если вы не можете рѣшить вашъ споръ съ Портой иначе, какъ оружіемъ, подѣлитесь справедливо Европейской Турціей съ христіанскими державами. Тѣ изъ этихъ державъ, которыя по своему географическому положенію не могутъ получить территоріальнаго приращенія на Востокѣ, будутъ вознаграждены въ другомъ мѣстѣ. *Мы хотимъ имѣть линію Рейна отъ Страсбура до Кельна*. Россія заинтересована—вашъ отецъ (sic) Александръ сказалъ это—въ томъ, чтобы Франція была сильна. Если вы согласитесь на эту сдѣлку (arrangement), а державы возстанутъ противъ нея, мы не допустимъ, чтобы онѣ вмѣшались въ вашъ споръ съ Турціей. Если онѣ на васъ нападутъ, мы будемъ биться съ ними о бокъ съ вами на тѣхъ условіяхъ, которыя только что изложены». И, какъ бы въ заключеніе этой гордой и благородной тирады, Шатобріанъ прибавляетъ: «Никогда ни Австрія, ни Англія не дадутъ намъ рейнской границы. И однако же, для чести и безопасности Франціи, рано или поздно, граница должна быть тамъ». Не кажутся ли эти заключенія написанными вчера? Карлъ X одобрилъ ихъ. «Если императоръ Николай нападетъ на Австрію», сказалъ онъ, «я буду держаться наготовѣ»

¹⁾ Въ дѣйствительности, именно потому, что онѣ еще не шли. М. П.

и буду дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Но если Австрія его атакуетъ, я немедленно двину противъ нея мою армію». На такихъ основаніяхъ готовъ былъ состояться союзъ, когда Россія, побѣдивъ Турцію, остановилась у Адріанополя и подписала миръ. Переговоры были прерваны» ¹⁾.

Мы оставляемъ на совѣсти автора его квалификацію дипломатическаго торгашества Шатобріана, какъ «гордаго и благороднаго языка» — точно такъ же, какъ и его непоколебимую, повидимому, увѣренность въ томъ, что Николай Павловичъ, дѣйствительно, могъ мирнымъ путемъ «отхлопотать» у Пруссіи лѣвый берегъ Рейна для французовъ. Во всякомъ случаѣ, тайной отъ Берлина русско-французскіе переговоры быть не могли: вполне возможно, что ихъ и сознательно не скрывали, чтобы, поставивъ Пруссію между двухъ огней, пріобрѣсти въ ней союзницу противъ Австріи. Въ этомъ случаѣ лѣвый берегъ Рейна только бы улыбнулся французамъ, конечно, но что же подѣлаешь? Политика есть политика. Теперь мы начинаемъ понимать загадочныя, на первый взглядъ, колебанія пруссаковъ по отношенію къ польской кампаніи 1831 г. Съ одной стороны, желательно было, чтобы русскіе увязли въ Польшѣ, какъ можно долѣе: сухари охотно пекли бы и не четыре мѣсяца, а четыре года, если бы желудокъ русскаго солдата могъ выдержать такой значительный постъ. Съ другой, принципиально отказать въ поддержкѣ Россіи значило бросить эту послѣднюю въ объятія Франціи, изъ которыхъ она только что, слава Богу, вышла, благодаря іюльской революціи. Кто знаетъ, такъ ли ужъ сильно было отвращеніе императора Николая къ Луи-Филиппу. Протянулъ же этотъ государь впослѣдствіи руку республиканскому поэту Ламартину и республиканскому генералу Кавеньяку. А поднятое іюльской монархіей трехцвѣтное знамя было, конечно, психологически гораздо тѣснѣе связано съ «линіей Рейна», нежели бѣлыя лиліи Карла X. Въ то же время, достаточно было прислушаться къ преніямъ французскихъ «камеръ», къ пламеннымъ рѣчамъ стараго Лафайета, напримѣръ, чтобы понять моральную невозможность для буржуазной Франціи — на другой день іюльскихъ баррикадъ протянуть руку Николаю черезъ развалины варшавскихъ фортовъ. Преградой русско-французскому союзу 1830-хъ годовъ стоялъ призракъ окровавленной Польши. Реальные экономическіе интересы развѣяли бы этотъ призракъ — какъ развѣяли они множество другихъ. Но реальные интересы Франціи на Ближнемъ Востокѣ связывали ее съ Англіей, а не съ имперіей Николая: въ этомъ настоящая причина устойчивой антипатіи послѣдняго къ «королю-гражданину», какъ и непрочности его дружбы съ Луи-Наполеономъ. Такъ представляется намъ дѣло, когда мы беремъ его въ широкомъ масштабѣ — и оглядываемся на три четверти столѣтія назадъ. Текущая политика болѣе близорука — она такъ далеко не смотритъ. Въ 1821 г. дѣло шло, для Пруссіи, о томъ, чтобы разорвать завязывавшійся, было, союзъ Россіи и Франціи, союзъ на основѣ: Россіи — Константинополь, Франціи — лѣвый берегъ Рейна. Почва, по которой думали идти, внезапно обвалилась: надо было расширить провалъ — и если можно еще наполнить его польской кровью, чего же лучше? Пруссія, какъ и императоръ Николай, руководилась вовсе не отвлеченными представленіями о «легитимизмѣ» и «революціи»: у ея политики были свои реальныя задачи.

¹⁾ Ern. Dauder Histoire diplomatique de l'Alliance Franco-russe, pp. 23—25. Курсивъ нашъ.

Въ первую польскую революцію эти задачи сводились къ отстаиванію «линіи Рейна» отъ покушеній французовъ, подталкиваемыхъ русскими. Что было во вторую?

II.

Кардинальнымъ пунктъ мѣ русско-прусскихъ отношеній во время польскаго возстанія 1863 г. была знаменитая *конвенція Альвенслебена* — форменный наступательный и оборонительный союзъ Пруссіи и Россіи противъ Польши. Это, конечно, большая странность — союзъ двухъ державъ противъ части подданныхъ ихъ обѣихъ: но она показываетъ, насколько «сила вещей» могущественнѣе отвлеченной теоріи. Юридически можн было, сколько угодно, называть поляковъ «мятежниками» и отрицать за ними права «воюющей стороны»: на дѣлѣ они были такой стороной, и эта истина съ силою категорическаго императива подчиняла себѣ сознаніе усмиравшихъ «мятежъ», заставляя ихъ изыскать произносить слова, который они съ большимъ удивленіемъ и негодованіемъ услыхали бы изъ чужихъ устъ. «Война объявлена!» провозгласилъ генераль Альвенслебенъ, пріѣхавъ въ Варшаву изъ Петербурга, гдѣ онъ только что подписалъ свою конвенцію. Слушатели — прусскіе офицеры, командированные въ штабъ русской арміи, буквально выпучили глаза. У одного изъ нихъ было такое странное лицо, что другой долженъ былъ выскочить въ корридоръ, чтобы не прыснуть при начальствѣ. Съ кѣмъ война? Какая война? Изъ послѣдующихъ фразъ Альвенслебена выяснилось, что дѣло идетъ о войнѣ Пруссіи съ русской Польшей¹⁾. Его Величество король Вильгельмъ объявилъ войну рожнду народовому! Такой необыкновенной формулы мы, конечно, не найдемъ ни въ одномъ официальномъ документѣ: но выражаемая ею мысль не показалась дикой лицу, чрезвычайно официальному.

Въ сборникахъ официальныхъ документовъ мы, впрочемъ, тщетно искали бы и самой «конвенціи». Документъ, подписанный 8 февраля (н. ст.) 1863 г. генераль-адъютантомъ прусскаго короля съ одной стороны, русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковымъ, съ другой, никогда не былъ удостоенъ той подписи, которая превращаетъ «проектъ» въ «законъ». Самый, быть можетъ, замѣчательный русско-прусскій актъ XIX столѣтія, составившій дату, отъ которой велось четверть вѣка дипломатической исторіи Восточной Европы, упоминающійся въ любой обстоятельной исторіи Россіи, Франціи или Германіи 60-хъ годовъ, остался *не ратификованнымъ*. Это не можетъ не вызывать недоумѣнія. Правда, иные неоконченные рисунки Леонардо-да-Винчи цѣннѣе любой картины. Но такъ ли уже замѣчательно содержаніе конвенціи Альвенслебена? Въ существенныхъ чертахъ, оно сводится къ попыткѣ комбинировать военно-полицейскую дѣятельность пограничныхъ властей Россіи и Пруссіи по отношенію къ отрядамъ польскихъ инсургентовъ, причемъ, преслѣдуя эти отряды, русскія войска могли переходить прусскую границу, не углубляясь, впрочемъ, дальше довольно узкой зоны; то же право получали и войска прусскія; кромѣ того, пограничныя власти должны были обмѣниваться полицейскими свѣдѣніями о ходѣ польской революціи. Все это было лишь, мы сказали, «попыткой», ибо варшавское правительство, вел. кн. Константина Николаевича, весьма недовольное конвенціей, заключенной за

¹⁾ Verdy-du-Vernoy. «Im Hauptquartier d. russischen Armee in Polen» (1863—65). Berlin, 1905.

его спиной, заявило, что оно въ содѣйствіи прусскихъ войскъ для подавленія революціи отнюдь не нуждается; вліятельные петербургскіе круги выражали сомнѣніе и въ тактичности, и въ цѣлесообразности сдѣланнаго шага: у нихъ была еще въ памяти венгерская кампанія Николая I, и они находили, что ставить Россію въ положеніе Австріи 1849 года обидно для русскаго самолюбія и практически не нужно—положеніе вовсе не такъ плохо; высказывались опасенія и насчетъ того, что, разъ войдя, пруссаки могутъ и не уйти,—опасенія, какъ увидимъ ниже, не совсѣмъ вздорныя. Словомъ, конвенція встрѣтила такой худой пріемъ, ея такъ явно не хотѣли пользоваться, что уже черезъ нѣсколько дней по возвращеніи Альвенслебена въ Берлинъ тамъ чувствовали себя «крайне стѣсненными» актомъ 8 февраля, и мечтали только о томъ, чтобы «отдѣлаться отъ него безъ униженія»¹⁾. А немного позже Бисмаркъ завѣрялъ англійскаго посла, что конвенція останется «мертвой буквой» — и, кажется, это было искренно. Надо прибавить, что на практикѣ такъ и было, что касается, по крайней мѣрѣ, военной части конвенціи: содѣйствіе прусскихъ войскъ въ борьбѣ съ поляками было совершенно ничтожно, и русскимъ войскамъ переходить прусскую границу пришлось въ единичныхъ, при томъ мелкихъ, случаяхъ. На ходъ возстанія конвенція Альвенслебена никакого вліянія не имѣла. «Объявленіе войны» прусскимъ правительствомъ польскому народу повисло въ воздухѣ.

Почему же отъ этого холостого выстрѣла осталось такое громкое эхо? И что побудило Би марка итти на эту галеру, откуда онъ не зналъ, какъ сойти? Классическое объясненіе этого дано въ извѣстномъ трудѣ Зибеля, котораго повторяютъ, въ этомъ пунктѣ, не только нѣмцы, но и французскіе историки. «Трудно было бы рѣшить, въ чемъ была для Пруссіи горшая а сносость: въ побѣдѣ ли, не слишкомъ, конечно, вѣроятной—красной инсurreкціи, предводимой Мѣрославскимъ, Мадзини и Гарибальди, или въ созданіи автономной Польши подъ русскою и французскою опекой по планамъ Вѣлепольскаго, Горчакова и вел. кн. Константина. Правда, красная партія уже въ Городло²⁾, а потомъ снова въ моментъ начала возстанія, предъявила притязанія на Западную Пруссію, Познань, Померанію до Одера; среди тамошнихъ соотечественниковъ она уже собирала деньги и вербовала рекрутовъ, въ Познани была хорошо организованная (революціонная) администрація. Автономная Польша Вѣлепольскаго не пошла бы впередъ такъ неустойчиво, но самого министра (т. е. Вѣлепольскаго) постоянно подталкивали бы въ томъ же направленіи польскіе патріоты, агитація панславистовъ и его собственная ненависть къ нѣмцамъ,—а кн. Горчаковъ былъ послѣднимъ, кто наложилъ бы на него узду. Ни для Познани, ни для западной Пруссіи, ни для всей монархіи впредъ не было бы ни одного часа спокойствія. Такъ, при первомъ извѣстіи о польскомъ возстаніи, въ Берлинѣ созрѣло рѣшеніе воззвать непосредственно къ личнымъ чувствамъ императора Александра». Прусское правительство сознавало, какъ непопуляренъ будетъ его шагъ въ Европѣ: «пресса всѣхъ цивилизованныхъ странъ единодушно пріивѣтствовала воскресеніе поляковъ». Но «именно это обстоятельство обезпечивало прусскому генералу самый благосклонный пріемъ со стороны имп. Александра».

¹⁾ Телеграмма англійскаго посла Бьюкенена министру иностранныхъ дѣлъ лорду Росселю, отъ 27 февраля (н. ст.) 1863. См. Confidential correspondence of the British government respecting the insurrection in Poland 1863, ed. Filippowicz. Paris 1914.

²⁾ Большая манифестанія въ память соединенія Польши и Литвы, въ 1413 году, происходившая 30 сентября 1861 года.

Послѣдній «отъ всего сердца пожалъ протянутую ему руку союзника: при его жизни нечего было бояться панславистическаго братанья поляковъ и русскихъ»... «Конвенціей и достигнутымъ, благодаря ей, укрѣпленіемъ русской дружбы Бисмаркъ заложилъ первый камень въ фундаментъ будущаго величія Пруссіи»¹⁾. Не очень далеко отходить въ сторону отъ этой проторенной колеи и новѣйшій французскій историкъ событій, имѣвшій подъ руками новые источники, мемуары Бисмарка, вышедшіе послѣ появленія книги Зибеля, и французскую дипломатическую переписку 1863 года. Въ основу своей характеристики г. Шарль-Ру кладетъ показаніе именно Бисмарка: конвенція Альвенслебена была «побѣдой, которую одержала, въ кабинетѣ императора Россіи, прусская политика надъ политикой польской». «Затянуть крѣпче узъ солидарности, сложившейся именно на основѣ польскихъ раздѣловъ; дать почувствовать Александру II прочность прусской дружбы въ ту именно минуту, когда царь могъ опасаться быть покинутымъ Франціей и остаться изолированнымъ въ Европѣ; поставить вѣху на пути къ еще болѣе тѣсному сближенію; сыграть штучку (*faire pièce*) съ французскимъ правительствомъ, — вотъ перспективы, которыя, сами по себѣ, могли соблазнить Бисмарка и, конечно, стоили того, чтобы изъ-за нихъ побеспокоить одного изъ прусскихъ генераловъ. Таковы, намъ кажется, были настоящія причины миссіи Альвенслебена и реальная цѣль конвенціи 8 февраля»²⁾.

Легко замѣтить разницу оттѣнковъ этихъ двухъ версій: для Зибеля на первомъ планѣ борьба съ «панславизмомъ», — для г. Шарля-Ру (и онъ, въ этомъ случаѣ, прямо слѣдуетъ Бисмарку) на первомъ мѣстѣ укрѣпленіе русско-прусскаго союза. Историкъ менѣе легко приспосабливается къ новой обстановкѣ, чѣмъ дипломатъ: Зибель, политически воспитавшійся въ атмосферѣ 40-хъ — 60-хъ годовъ, никакъ не могъ перейти сразу на рельсы тройственнаго союза, гарантировавшаго Германію, между прочимъ, именно отъ панславизма, создавъ круговую поруку «Австрія—Германія»; что когда-нибудь получится комбинація, при которой Россія рискнетъ пойти и на Австрію, и на Германію—это не всякому могло помѣститься въ голову даже въ 1908 году, не только что въ 1898. Для Бисмарка же 90-хъ гг. панславистскіе страхи были далекимъ прошлымъ, а одною изъ главныхъ цѣлей его мемуаровъ было обличить «неблагодарность» Россіи, вынудившую честную Пруссію отгородиться отъ коварной восточной сосѣдки германо-австрійскимъ соглашеніемъ 1879 г. Ибо Бисмаркъ не могъ не сознавать, что, разрывая съ русскими, онъ нѣкоторымъ образомъ предаетъ интересы всеевропейской реакціи—и обезпечиваетъ союзника безбожной, республиканской Франціи; это не могло не тяготить его юнкерской совѣсти. Надо было показать, что «виноваты» сами русскіе. Этой общей концепціи бисмарковскихъ мемуаровъ, и ея возможнаго вліянія въ данномъ пунктѣ, г. Шарль-Ру, кажется, не уловилъ: но это и не такъ важно, потому что, повторяемъ, разница между нимъ и Зибелемъ только въ оттѣнкѣ, по существу же они оба, одинаково, смотрятъ на событіе съ точки зрѣнія *восточно-европейскихъ комбинацій и отношеній*. Но бывшій историкъ французской революціи былъ шире того «заданія», которое ставило ему его положеніе, какъ официальнаго исторіографа Германской имперіи. Рядомъ съ основнымъ лейтъ-мотивомъ конвенціи Альвенслебена, выражившимся въ тѣхъ фразахъ, какія мы процитировали, у Зибеля звучатъ

¹⁾ «Die Begründung d. deutschen Reichs durch Wilhelm I», II, ss. 488—491, 502.

²⁾ Fr. Charles-Roux. «Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III» pp. 331—2

мотивы, такъ сказать, второстепенные, попутные. Съ одного изъ такихъ второстепенныхъ мотивовъ онъ и начинается. Характеризуя общую дипломатическую обстановку, среди которой возникла конвенція 8 февраля, и указавъ на то, какое неблагоприятное для Пруссіи сочетаніе силъ получалось, благодаря соприкосновенію интересовъ Англіи и Австріи на Ближнемъ Востоѣ, Зибель продолжаетъ: «Но еще важнѣе и опаснѣе былъ поворотъ во французской политикѣ, происшедшій осенью 1862 г.». Раздраженный плохо скрываемой тенденціей созданнаго при его же участіи итальянскаго королевства захватить Римъ, охраняемый французскимъ гарнизономъ, Наполеонъ III «рѣшилъ показать туринскому кабинету свое высочайшее неудовольствіе, назначилъ въ Римъ и Туринъ посланниковъ клерикальнаго оттѣнка, и снова призвалъ къ руководству иностранными дѣлами, на мѣсто Тувенеля, стараго друга папы и Австріи—Друэна-де-Люи. Съ тѣхъ поръ въ Берлинѣ не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь довѣріи къ французской дружбѣ»¹⁾.

Стало быть, нужно было искать, во что бы то ни стало, дружбы русской. Вотъ почему Пруссія «навязалась» къ Россіи съ конвенціей, о которой русской правительство ее вовсе не просило. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, получается отъ приведеннаго сейчасъ текста: мы увидимъ, что на самомъ дѣлѣ связь была нѣсколько иная. Пока для насъ важно отмѣтить одно: новый, «боковой», мотивъ Зибеля *выдвигаетъ на сцену Западную Европу*,—вопросъ о конвенціи 8 февраля перестаетъ быть восточно-европейскимъ. И вотъ, чрезвычайно характерно, что для непосредственныхъ участниковъ событій на противоположномъ, такъ сказать, фронтѣ, для поляковъ, всѣ вопросы стояли въ западно-европейской проекціи съ самаго начала. Всего вышуклѣе, не безъ драматической живости, рисуются событія въ воспоминаніяхъ извѣстнаго праваго польскаго публициста Козмына, редактора краковскаго «Часа» въ 1863 г.²⁾ Поднятые демократическими элементами польскаго общества, «красными», возстаніе было этому, чрезвычайно «бѣлому», журналисту крайне несимпатично. Онъ былъ «противъ всякой поддержки возстанія и старался удержать своихъ друзей отъ участія въ немъ». Что его ободряло въ этой оріентаціи, это видимое несочувствіе къ движенію императора Наполеона III—«единственнаго, отъ кого можно было тогда ожидать помощи, поддержки при защитѣ польскаго дѣла». Отецъ Козмына былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Отелю Ламберъ—парижскому дворцу Чарторыйскихъ и очагу аристократической польской эмиграціи, а Hôtel Lambert, въ свою очередь, былъ непосредственно связанъ съ Тюильрійскимъ дворцомъ. «Первыя же сообщенія моего отца изъ Парижа клеймили начатое возстаніе эпитетомъ «легкомысленнаго». Почву для него можно было найти только въ отчаяніи, вызванномъ своеобразнымъ рекрутскимъ наборомъ»³⁾. Ни Наполеонъ, ни императорское правительство, ни Валуевскій, и тѣмъ менѣе Hôtel Lambert, не давали никакого поощренія и не обѣщали никакой помощи; они видѣли въ возстаніи несчастье, пагубное начинаніе, уничтожающее послѣдніе шансы польскаго дѣла, и вначалѣ не хотѣли въ немъ видѣть ничего, кромѣ простого сопротивленія рекрутскому набору».—«Поведеніе

¹⁾ Sybel, цит. соч., s. 488.

²⁾ «О 1863 годѣ. Польша и европейская дипломатія». Мы пользовались авторизованнымъ нѣмецкимъ переводомъ Ландау (Wien, 1896),—польскаго оригинала нѣтъ въ парижской національной библіотекѣ.

³⁾ Какъ извѣстно, поводомъ для возстанія въ январѣ 1863 г. былъ рекрутскій наборъ въ Царствѣ Польскомъ, организованный, по особому плану Вѣлепольскаго, такъ, что онъ долженъ былъ захватить въ ряды рекрутовъ всю «неблагонадежную» молодежь край.

ніе Наполеона и императорскаго правительства только подтверждало мой взгляд на отсутствіе какихъ бы то ни было перспективъ иностраннаго вмѣшательства. Офиціозныя французскія газеты «La France» и «Constitutionnel», — послѣдняя непосредственно инспирируемая правительствомъ, — осудили возстаніе и объявили его безнадежнымъ. Офіціальныи «Moniteur» опубликовалъ 30 января письмо изъ Варшавы, по вѣдому, отъ французскаго консула Вальбезана, которое, собственно, не высказывалось ни за, ни противъ революціи, но прибавляло: «толпа несчастныхъ юношей не сможетъ оказать сопротивленія стотысячной арміи подъ командой опытныхъ офицеровъ»... Было ясно, что императоръ Наполеонъ не хочетъ и не можетъ использовать начавшееся въ Польшѣ возстаніе для того, чтобы поставить польскій вопросъ на очередь дня». 5 февраля, на запросъ въ законодательномъ корпусѣ Гюйара Делалена и Жюля Фавра по поводу Польши, министръ Бійо (Billaut) отвѣтилъ: «Франція не утратила своихъ старинныхъ симпатій къ Польшѣ, но она думаетъ, и правительство думаетъ вмѣстѣ съ нею, что автономіи этого королевства скорѣе можно ожидать отъ благородныхъ и либеральныхъ чувствованій русскаго императора, нежели отъ попытки возстанія, которое навлечетъ только новыя бѣдствія на эту несчастную страну. *Жюль-Фавръ*: «это копія знаменитыхъ словъ: «порядокъ царствуетъ въ Варшавѣ¹⁾». Исторія будетъ судить слова министра — она покажетъ, какъ они были прискорбны!». *Бійо*: «Прискорбнѣе всею — это обманчивыя возбужденія чувства патріотизма, вспышки котораго могутъ привести только къ новымъ бѣдствіямъ (одобренія собранія). Правительство императора слишкомъ благоразумно, чтобы пустыми словами давать обманчивую пищу революціоннымъ страстямъ, и оно слишкомъ дорожитъ своимъ достоинствомъ, достоинствомъ Франціи, чтобы позволить пятнадцать лѣтъ повторять въ адресъ бесполезныя слова и тщетныя протесты (очень хорошо! очень хорошо!)»²⁾. Бійо получилъ полное одобреніе императора, скоро — по другому поводу — выраженное публично въ «Монитёрѣ». А Гюйаръ-Делал на президентъ законодательнаго корпуса, Морни, специально отговаривалъ — какъ узналъ отецъ Козмына — отъ его интерпелляціи, давая понять, что она будетъ неприятна императору (Делаленъ былъ членомъ правительственной партіи). Наконецъ, уничтожая послѣднія сомнѣнія, въ Краковѣ явился специальный гонецъ отъ Огеля Ламберъ съ инструкціями, гдѣ революція характеризовалась, какъ «безумное, достойное сожалѣнія, дѣло, которое не только не можетъ рассчитывать на поддержку Наполеона, но идетъ вразрѣзъ со всѣми его планами, со всею его польскою политикою. Наполеонъ не имѣетъ ни желанія, ни возможности взяться за оружіе въ интересахъ польскаго дѣла. Общественное мнѣніе Франціи не пошло бы на войну изъ-за Польши, а отсутствіе союзниковъ дѣлаетъ это уже совершенно невозможнымъ. Сближеніемъ съ Россіей, вліяніемъ на петербургскій кабинетъ, наконецъ, союзомъ съ сѣверной имперіей Наполеонъ надѣется помочь дѣлу, съ котораго онъ не спускаетъ глазъ и рѣшеніе котораго принадлежитъ къ главнымъ его задачамъ. Возстаніе мѣшаетъ осуществленію этихъ плановъ и можетъ ихъ совершенно разрушить. Помочь польскому дѣлу можно только, немедленно остановить возстаніе».

¹⁾ Слова министра Себастіани во франц. палатѣ 16 сент. 1831 г., по полученіи извѣстія о взятіи Варшавы Паскевичемъ.

²⁾ Цитируемъ по «L'Empire libéral» Эм. Оливіе VI, 158—9. Послѣднія слова Бійо — намекъ на палату временъ Луи-Филиппа, каждый годъ въ адресъ повторявшую протестъ по поводу насилія надъ Польшей въ 1831 году.

Козмянъ былъ, безъ сомнѣнія, чрезвычайно обрадованъ парижскими инструкціями, говорившими вещи, столь близкія его сердцу. Краковскіе «бѣлые» единогласно рѣшили бойкотировать безумное предпріятіе «красныхъ». Гонца Отеля Ламберъ успѣли отправить во Львовъ — инструктировать тамошнихъ патріотовъ того же оттѣнка. Козмянъ самъ проводилъ его на вокзалъ. Вернувшись домой, онъ нашелъ у себя шифрованную телеграмму. Она гласила: «Все измѣнилось. Считайте инструкціи не существующими. Поддерживайте борьбу такъ долго, какъ только можете». Козмянъ успѣлъ еще захватить парижскаго вѣстника на вокзалѣ и передать ему новость. Во Львовъ поѣхалъ дозунгъ: «Поддерживать возстаніе всѣми силами». А Краковскій «Часъ» сдѣлался своего рода «Мониторомъ» польской инсurreкціи. «Телеграмма Отеля Ламберъ скоро нашла себѣ вѣрное эхо во французскихъ оффиціозныхъ газетахъ. Онѣ говорили теперь совсѣмъ другимъ тономъ; вмѣсто того, чтобы разочаровывать возставшихъ, онѣ ихъ подстрекали, вмѣсто того, чтобы осуждать, — защищали ихъ. Даже «Мониторъ» сталъ помѣщать на своихъ столбцахъ подробныя, сочувственныя сообщенія о ходѣ революціи. Сразу все стало иначе, чѣмъ было раньше — это дѣйствсвала прусско-русская военная конвенція 8 февраля¹⁾).

У насъ имѣется почти дословно тождественная характеристика положенія, идущая изъ другого источника — абсолютно не подозрительнаго со стороны возможнаго вліянія Отеля Ламберъ. Резюмируя для своего начальства парижскія настроенія съ начала возстанія, лордъ Каулей, британскій посолъ при тюльрійскомъ дворѣ, писалъ 3 марта лорду Росселю: «Отъ той минуты, когда, двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, въ русской Польшѣ обнаружились первые признаки революціоннаго настроенія²⁾, до той минуты, когда стало извѣстно о подписаніи въ Петербургѣ русско-прусской конвенціи, отношеніе императора, его правительства, его печати (sic!) и народа вообще было, сравнительно, равнодушнымъ (one of comparative apathy). Общее и очень твердое убѣжденіе гласило, что поляки потеряли всякое право на французскія симпатіи своей инертностью во время Крымской войны; и ни открытыя правонарушенія русскихъ властей въ Польшѣ, ни негодующій, хотя нѣсколько эгоистическій протестъ польской партіи въ Парижѣ, не вели къ большому, чѣмъ заявленія сочувствія къ полякамъ, и сожалѣнія, что русскіе не обращаются съ ними лучше». Послѣдній актъ русскаго правительства, рекрутскій наборъ, не измѣнилъ настроенія, и Друэнъ-де-Люи говорилъ послу, что императоръ «не сдѣлаетъ ни одного шага, который бы шелъ вразрѣзъ съ дружескими чувствами, питаемыми его величествомъ къ императору руссійскому». «Однако же извѣстіе объ актѣ, подписанномъ съ С.-Петербургомъ, измѣнило направленіе мыслей императора» (Наполеона). «Участіе въ этомъ актѣ Пруссіи, при наличности нейтралитета Франціи, почувствовалось, какъ обида; правительство заговорило другимъ языкомъ, пресса подхватила, стало извѣстно, что министерство иностранныхъ дѣлъ занимается польскимъ вопросомъ, чувство возбужденія и неувѣренности овладѣло публикой, война показала въ виду, правительственныя бумаги упали, министръ финансовъ протестовалъ, въ пользу поляковъ была открыта публичная подписка, и въ теченіе нѣсколькихъ дней все возвѣщало приближеніе кризиса. Но среди этого лихорадочнаго возбужденія очень мало обращалось вни-

1) Козмянъ, цит. соч. стр. 3, 4—5, 6, 8, 10—12.

2) Лордъ Каулей ошибался; первые признаки обнаружили въ февралѣ 1861 г., за 24, а не за 12 мѣсяцевъ до возстанія.

манія на участіе Россіи въ томъ актѣ, который это возбужденіе вызвало. *Во всемъ виновата была одна Пруссія*; Россія, довольно естественно, пользовалась всеми средствами, какія представлялись, чтобы, во что бы то ни стало, подавить возстаніе, свирѣпствующее въ одной изъ ея провинцій. Таковъ былъ языкъ императорскаго правительства. Акты Россіи, коими она зажгла пламя возстанія, оставались совершенно внѣ поля зрѣнія¹⁾.

Что вызвало вдругъ въ Парижѣ такую «чистую перемѣну», какъ говорятъ театральные декораторы? Обманывались ли тамъ насчетъ содержанія конвенціи, считая ее гораздо болѣе серьезной, нежели она была на самомъ дѣлѣ? Трудно это предположить: великій другъ Франціи, гордившійся русско-французскимъ союзомъ послѣ Крымской войны, какъ дѣломъ своихъ рукъ, кн. Горчаковъ немедленно же посвятилъ французскаго посла Монтебелло во всѣ подробности только что заключенной сдѣлки. Монтебелло зналъ не только, что допускала конвенція—очень немногое, мы видѣли,—онъ зналъ, что и этимъ немногимъ не собираются пользоваться во всей широтѣ²⁾. Правда черезъ Лондонъ тюильрійскій кабинетъ могъ получить сообщенія, звучавшія менѣе успокоительно. Уже 14 февраля Бьюкененъ имѣлъ съ Бисмаркомъ хорошо извѣстный разговоръ (изложенный и у Зибеля, притомъ живѣе и подробнѣе, чѣмъ въ депешѣ самого Бьюкенена), гдѣ прусскій премьеръ указывалъ на возможность «завоеванія» Польши прусскими войсками, въ случаѣ, если Россія добровольно очиститъ Царство. Послѣдняя гипотеза сложилось у Бисмарка еще въ бытность его посланникомъ въ Петербургѣ,—откуда онъ уѣхалъ незадолго до начала возстанія; онъ упоминаетъ о ней и въ своихъ мемуарахъ; имп. Александръ II высказывался, будто бы, что еще его отецъ считалъ «прочной» русской границей Вислу и Наревъ, и что онъ самъ, въ случаѣ крайности, не прочь былъ бы ею удовлетвориться, съ Варшавою, какъ *tête-de-pont*, предоставивъ остальную часть Царства ея собственной участи³⁾. Что, для Бисмарка, это не были только слова, показываютъ, съ одной стороны, военныя приготовленія Пруссіи, съ другой—подготовка Бисмаркомъ прусскаго общественнаго мнѣнія къ такому шагу, какъ длительная, быть можетъ, навсегда, оккупанція русской Польши. Для такого скромнаго предпріятія, какъ содѣйствіе русскимъ отрядамъ въ истребленіи польскихъ бандъ, была мобилизована почти половина прусской арміи—4 корпуса изъ 9. Въ то же время, какъ сообщили Бьюкенену либеральные члены прусскаго ландтага, Бисмаркъ, на балу у кронпринца, излагалъ одному изъ либеральныхъ лидеров (вице-президенту ландтага Беренду) такой планъ: если возстаніе приметъ грандіозные размѣры, Пруссія двинетъ свою армію въ Польшу и тогда, не невѣроятно, эта армія оттуда уже не уйдетъ. «Я знаю хорошо почву въ Петербургѣ, говорилъ Бисмаркъ, и имѣю основаніе думать, что Россія очень охотно отдѣлается отъ Польши, если только послѣдняя окажется въ надежныхъ рукахъ. Въ такомъ случаѣ Польша, однако же, не будетъ управляться, какъ прусская провинція, а составитъ отдѣльное королевство, соединенное съ Пруссіей только личной уніей⁴⁾».

¹⁾ Цитированная выше «Confidential Correspondence», напечатанная г. Филипповичемъ съ экземпляра, принадлежавшаго, повидимому, лорду Росселю—несравненно болѣе полнаго, чѣмъ «Синія книга», розданная парламенту въ свое время. См. его предисловіе. Наша цитата взята со стр. 138—9. Курс. нашъ.

²⁾ См. Charles Roux, цит. соч. стр. 330.

³⁾ Gedanken u. Erinnerungen I, 308.

⁴⁾ Донесеніе Бьюкенена Росселю отъ 20 февраля 1863 г. Correspondence, стр. 68—69.

Нѣтъ надобности настаивать на громаднѣмъ историческомъ интересѣ послѣднихъ словъ именно въ настоящую минуту. Только они даютъ надлежащее освѣщеніе неоднократно повторявшемуся—въ томъ числѣ, опять-таки, самимъ Бисмаркомъ—утвержденію, что «существованіе независимаго польскаго королевства несовмѣстимо съ безопасностью Пруссіи»¹⁾. Изъ этого нерѣдко выводили заключеніе, что ужь, если кто никогда не возстановитъ Польши, такъ это Германія. А между тѣмъ, актъ 5 ноября 1916 г., въ сущности, является реализаціей стараго плана вождя даже не буржуазной Германіи, а, прежде всего, прусскаго юнкерства. Что быть «освободителемъ» Польши, практически, можетъ быть, гораздо выгоднѣе, чѣмъ ея «покорителемъ», это понималъ, въ теченіе исторіи XIX вѣка, не одинъ Александръ I. Если этотъ послѣдній потерпѣлъ неудачу, то главнымъ образомъ изъ-за невозможности сочетать, въ однихъ имперскихъ рамкахъ, конституціонную Польшу и самодержавную Россію. Невозможно было стать ограниченнымъ монархомъ на берегахъ Вислы, оставшись неограниченнымъ на берегахъ Невы: одно должно было убить другое, и убило, конечно, то, что было сильнѣе, старше и привычнѣе. Но Пруссія уже въ 1863 г. была конституціонной монархіей, Вильгельму I не пришлось бы двоиться, и забота могла быть только одна—не превратить прусскаго ландтага въ нѣкоторое подобіе позднѣйшаго австрійскаго рейхсрата, создавъ въ немъ черезчуръ могущественную польскую партію. Для этого, унія должна была остаться только личной, династической. На второмъ планѣ была, конечно, и другая забота—о дальнѣйшей судьбѣ герцогства Познанскаго: но оно уже въ 1863 г. считалось германизированнымъ почти наполовину въ томъ, что касается населенія, и больше, чѣмъ на половину по отношенію къ землевладѣнію:²⁾ здѣсь не было непосредственной опасности возстанія, и, дѣйствительно, движеніе 1863 г. Познани почти не коснулось; Познань сочувствовала революціи, отчасти,—меньше, чѣмъ Галиція,—являлась ея базой, но однимъ изъ ея очаговъ она не стала.

Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы балные разговоры Бисмарка были секретомъ для Тюльри: да на балахъ и разговариваютъ не для того, чтобы сохранить секреты. Англію подозрѣвали—и не даромъ—въ намѣреніи разстроить русско-французскую дружбу, становившуюся весьма стѣснительной для британскихъ интересовъ на Востокѣ, именно въ Сиріи³⁾. Но Бисмаркъ прямо ссылался на готовность, будто бы, Россіи отдать пруссакамъ Польшу—ту Польшу, судьбами которой Наполеонъ III былъ заинтересованъ, чего и не скрывалъ. Онъ надѣялся, мы видѣли, отхлопотать для своей protégée автономію у Александра II,—каково ему было бы узнать, что его «другъ» собирается сдѣлать изъ Польши вассала Пруссіи? Сообщить въ Парижъ берлинскія сплетни былъ весь интересъ для британской дипломатіи, и она, конечно, это сдѣлала. Но если бы Наполеонъ дѣйствовалъ подъ ея импульсомъ и по ея плану, его гнѣвъ обрушился бы сразу и на Пруссію, и на Россію: а мы видѣли, что Каулей не даромъ, разумѣется, отмѣчаетъ въ своей депешѣ, что Россіи въ Тюльри явно

¹⁾ См., напр., депешу Бьюкенена отъ 14 февр., тамъ же, стр. 46.

²⁾ Россель Каулею отъ 28 февр. 1863 г.; тамъ же, стр. 98. Нѣтъ надобности говорить, что это не были «личныя впечатлѣнія» англійскаго министра,—онъ повторялъ данныя прусской статистики своего времени.

³⁾ См. на этотъ счетъ *Charles-Roux*, цит. соч. I, глава 3 книги, особ. стр. 297. Авторъ дѣтъ, конечно, *фактамъ* здѣсь иное толкованіе, но ср. цитату его же изъ депеши Монтебелло на стр. 353.

стараятся не замѣчать. А всего за недѣлю до этого—и послѣ не только извѣстія о конвенціи, но и послѣ бесѣды Бисмарка съ Берендомъ—тотъ же Каулей далъ Росселю два маленькихъ, но чрезвычайно характерныхъ сообщенія: одно, что Россія проявила готовность сдѣлать, въ польскомъ вопросѣ, всѣ необходимыя уступки *Франціи*, но только *ей одной*, а другое, что французская полиція любезно дѣлится съ русскимъ посольствомъ результатами перлюстровки корреспонденціи Отеля Ламберъ съ польскими революціонерами. Интимныя отношенія, установившіяся, благодаря миссіи Морни, между Парижемъ и Петербургомъ, старались сохранить возможно дольше, и мы увидимъ, что они удержались, дѣйствительно, гораздо дольше, нежели это обыкновенно думаютъ. А если прессѣ позволили (читатель помнитъ характерное выраженіе Каулей о парижскихъ газетахъ: «его пресса», пресса его величества императора французовъ) поднять тонъ по адресу Россіи, такъ необходима же была моральная подготовка общественнаго мнѣнія къ войнѣ—формально, изъ-за Польши. Но съ кѣмъ на самомъ дѣлѣ, а не формально, предполагалось вести войну, и изъ-за чего собственно?

Между сообщеніями о тѣхъ дипломатически-полицейскихъ любезностяхъ, которыми обмѣнивались Россія и Франція, и тѣмъ отчетомъ 3 марта, который мы цитировали въ подкрѣпленіе рассказовъ Козьяна, Каулей успѣлъ послать Росселю и еще одну депешу—едва ли не самую важную изъ всѣхъ за этотъ промежутокъ времени. Эта депеша, содержаніе которой авторъ просилъ своего корреспондента «держатъ въ секретѣ»,—очевидно, отъ большинства самого англійскаго кабинета, ибо для публики вся переписка была ультра-секретной—рассказываетъ о свиданіи Наполеона III съ кн. Меттернихомъ, австрійскимъ посломъ при тюильрійскомъ дворѣ. Меттернихъ немедленно же подѣлился своими впечатлѣніями со своимъ англійскимъ коллегой—вполнѣ подтвердивъ тѣмъ отзывы прусскихъ источниковъ, которыми пользовался Зибель, насчетъ того, что Англія и Австрія этого времени шли рука объ руку. Императоръ заявилъ послу, что онъ желалъ бы установить «тѣснѣйшее сближеніе» (an ultimate understanding) съ Австріей. По какому вопросу?—спросилъ Меттернихъ. «По всѣмъ», отвѣтилъ Наполеонъ III. Меттернихъ объявилъ тогда, что Австрія-то всегда этого желала, но французы всякій разъ требовали за свою дружбу такихъ пожертвованій съ ея стороны... Но императоръ твердо заявилъ, что теперь будетъ не такъ. Онъ готовъ поддерживать австрійскую политику по всей линіи, какъ въ Германіи, такъ и на Востокъ (кромѣ, стало быть, замѣтимъ въ скобкахъ, Италіи). Нѣтъ вопроса, по которому Австрія и Франція не могли бы столкнуться. Англійская дружба, хотя въ общемъ цѣнная, и необходимая для Франціи, слишкомъ уже платоническая. Англія слишкомъ сильна, ее не заставишь идти въ поводу (Наполеонъ выразился мягче). А Россія, напротивъ, слишкомъ слаба. Отчего бы Австріи и Франціи не столкнуться? О чемъ же именно? Этимъ вопросомъ, конечно, прежде всего заинтересовался Каулей. Но его информаторъ не умѣлъ, или не хотѣлъ ему сообщить подробностей. Наполеонъ, будто бы, все время говорилъ вообще, тщательно избѣгая обмолвиться чѣмъ-нибудь конкретнымъ, по поводу чего отъ него могли бы потребовать положительнаго объясненія. Но Меттернихъ догадывался, что, ближайшимъ образомъ, его собесѣдникъ мѣтилъ на независимость Польши: а затѣмъ «для него нѣтъ сомнѣній, что къ этому примѣшивалась, въ качествѣ смутнаго призрака (floating visions), рейнская граница».

Три недѣли спустя призракъ былъ уже почти осязаемъ. Вернувшись въ Парижъ послѣ недолгой отлучки. Каулей нашелъ русско-французскія отношенія охладившимися на нѣсколько градусовъ, но не потому, чтобы Россія была менѣе любезна, или Наполеонъ непосредственно къ ней измѣнилъ отношеніе, а потому, что новые планы уже всецѣло владѣли французскимъ императоромъ. Ради этихъ плановъ Наполеонъ, какъ будто, даже не прочь былъ, чтобы Россія была поменѣе уступчива. Главное, для него было пріобрѣсти «энергическое содѣйствіе австрійскаго правительства». Меттернихъ, правда, оказался провидцемъ,—французская дружба сейчасъ же потребовала новой австрійской ампутаціи, даже двухъ: Австрія не только должна была отказаться отъ Кракова и Галиціи въ пользу возстановляемой Польши, но и отъ Венеціи, въ пользу уже возстановленной Италіи. За то она должна была получить Силезію, что возстановить ее перевѣсъ въ Германіи. На Востокъ Франція будетъ идти съ нею рука объ руку въ дѣлѣ сохраненія Оттоманской имперіи—русско-французскій союзъ въ этомъ пунктѣ Наполеонъ категорически общать разорвать. Зато «Франція и Австрія сдѣлаются великими консервативными державами Европы—заклятыми врагами революціи». Австрію обольщали, такимъ образомъ, всѣми сладостями, о какихъ она могла мечтать, общая ей всяческія побѣды и на внѣшнемъ, и на внутреннемъ фронтѣ. Что же должна была получить за свое великодушіе сама Франція? «Я долженъ обратить вниманіе вашего лордства на то раздраженіе, которое, по-видимому, императоръ продолжаетъ сохранять по отношенію къ Пруссіи», писалъ Каулей. «Пруссія, съ одной стороны, теряетъ Силезію, съ другой—Рейнскія провинціи, такъ какъ, разумѣется, интересы Франціи не будутъ оставлены безъ вниманія въ этомъ союзѣ, который сдѣлаетъ Францію и Австрію господами судебъ Европы» ¹⁾.

III.

Депеши Каулея сыграли чрезвычайно важную роль въ исторіи дипломатическаго конфликта 1863 года. Если Англія отказалась идти рука объ руку со своимъ официальнымъ союзникомъ, императоромъ французамъ, въ вопросѣ о Польшѣ—а на этомъ, мы увидимъ ниже, сорвалось, въ концѣ-концовъ, все «дипломатическое вмѣшательство» — то это потому, что лондонскій кабинетъ твердо усвоилъ себѣ точку зрѣнія своего парижскаго представителя. «Ваше величество знаете, что мы избѣжали ловушки, которую подставлялъ намъ императоръ французамъ своимъ проектомъ тождественной, составленной въ рѣзкихъ выраженіяхъ, ноты прусскому правительству», писалъ бельгійскому королю Пальмерстонъ. «Отказъ исполнить требованія, заключившіяся въ этой нотѣ, Франція хотѣла, очевидно, использовать *какъ предлогъ, чтобы занять рейнскія провинціи*, и французское правительство обнаружило чрезвычайное неудовольствіе по поводу неудачи своего плана» ²⁾. Французскіе историки очень не одобряютъ подозрительности англичанъ, говорятъ съ пренебреженіемъ о «призракѣ» войны за Рейнъ, и не безъ сожалѣнія о бѣдномъ, гуманномъ и сентиментальномъ Наполеонѣ III, которому безсердечные британцы могли приписывать адскіе планы общеевропейской войны, тогда какъ онъ ни о

¹⁾ Депеша отъ 17 марта 1863, «Correspondence» 233—235, предыдущая депеша отъ 27 февраля, *ibid.* 96—7.

²⁾ Письмо отъ 13 марта 1863, у Оливье. «L'Empire libéral». VI 119.

чемъ такъ не мечталъ, какъ о всеобщемъ мирѣ. Гуманный и сентиментальный Наполеонъ III, быть можетъ, былъ здоровой реакціей противъ безсердечнаго и хитраго деспота республиканскихъ памфлетовъ 60-хъ годовъ. Но теперь прошла пора какъ памфлетовъ, такъ и апологій. Эту крупную историческую личность время признать за то, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ,—за одного изъ *типичнѣйшихъ выразителей французскаго империализма*. А мы достаточно видѣли империалистовъ за работой, чтобы не считать возможнымъ сочетаніе съ этой профессіей гуманности и сентиментальности... Ниже читатели найдутъ документальныя доказательства того, что по части безсердечнаго хищничества Наполеонъ III не уступалъ кому бы то ни было въ рядахъ данной разновидности. Вопросъ не о томъ, способенъ ли онъ былъ, ради территоріальныхъ пріобрѣтеній, затѣять кровопролитіе, а только о томъ, во-первыхъ, шли ли его территоріальные аппетиты именно *въ данномъ* направленіи, во-вторыхъ, историкъ материалистъ не можетъ оставить безъ отвѣта—безъ попытки отвѣта, по крайней мѣрѣ—вопроса о томъ, чьи *объективныя* стремленія выражалъ въ этомъ случаѣ офиціальныя представитель французской политики; наконецъ, въ третьихъ,—почему эти стремленія не получили удовлетворенія. Этотъ третій вопросъ снова вернетъ насъ изъ области экономической политики въ область дипломатіи, такъ сказать, «чистой»—«самой въ себѣ».

Что касается перваго вопроса, то характерно, что «призракъ» рейнской границы всплываетъ, въ ближайшихъ хронологическихъ окрестностяхъ изучаемаго нами момента, не только подъ перомъ британскихъ дипломатовъ, но и въ мемуарахъ непосредственныхъ сотрудниковъ Наполеона III. Всѣмъ извѣстно, какое исключительное мѣсто, среди ближайшаго антуража этого послѣдняго, занималъ Персиньи. Его отношеніе къ Наполеону вполне выражается стариннымъ словомъ «наперсникъ». Морни былъ ближе къ семьѣ Бонапартовъ, былъ гораздо тоньше и политически развитѣе отставнаго гусарскаго юнкера темнаго происхожденія, котораго коронованный другъ сдѣлалъ министромъ и герцогомъ: но, именно поэтому, Морни имѣлъ свою политику, далеко не всегда совпадавшую съ политикой Наполеона. Морни не хотѣлъ Крымской войны—Наполеонъ ее велъ. Морни былъ противъ войны и изъ-за Польши (и тутъ, конечно, не имѣло никакого значенія то обстоятельство, что онъ былъ женатъ на Трубецкой—какъ объясняли дѣло польскіе патріоты, которымъ вездѣ мерещилась русская интрига)—а Наполеонъ собирался ее вести, и былъ остановленъ только обстоятельствами, не зависѣвшими отъ его воли. Даже, когда они сходились на одномъ рѣшеніи, мотивы и точки зрѣнія были разныя: такъ было, напримѣръ, съ мексиканской экспедиціей. При чемъ, какъ это ни удивительно—ибо, изъ двухъ сыновей королевы Гортензій, сидѣвшаго на престолѣ принца считать менѣе даровитымъ, чѣмъ тотъ, который помогалъ ему взойти на престолъ,—Наполеонъ III, въ мексиканскомъ вопросѣ, оказался способнымъ къ болѣе широкому кругозору и къ болѣе глубокому анализу, нежели его сводный братъ. Но къ мексиканскому вопросу мы еще вернемся: его связь съ дипломатическими конфликтами начала 60-хъ годовъ давно намѣчалась историками Второй имперіи, и мы увидимъ, что связь эта не только дипломатическая. Пока остановимся на фактахъ, сообщаемыхъ мемуарами Персиньи: такъ какъ ради этихъ фактовъ мы и завели рѣчь о ближайшихъ друзьяхъ Наполеона III. Персиньи, повторымъ, изъ нихъ двоихъ всѣми считался наиболѣе вѣрнымъ его интимныхъ мыслей и плановъ императора: и хотя онъ самъ

очень охотно приписываетъ себѣ авторство тѣхъ изъ нихъ, которые казались ему особенно гениальными, едва ли эта претензія Персиньи была основательнѣе его другой претензіи—происходить чуть ли не отъ крестоносцевъ. Весной 1866 года, передъ австро-прусской войной, когда «Германія пылала, дипломатическія средства были уже исчерпаны, предложеніе о созывѣ конгресса провалилось, арміи уже стояли другъ противъ друга», Наполеонъ III созвалъ своихъ сотрудниковъ на чрезвычайный совѣтъ. Послѣ ряда ничемныхъ и безсодержательныхъ—по Персиньи—разсужденій, среди которыхъ приходится отмѣтить, однако, выступленіе министра народнаго просвѣщенія Дюрки, очень горячо говорившаго о завоеваніи Рейна, «думая понравиться этимъ императору» (итагъ, кто желалъ Наполеону понравиться, говорилъ о Рейнѣ...), взявъ слово авторъ мемуаровъ, поразившій всѣхъ глубиною своего сужденія и, главное, немедленно же снискавшій полную апробацію своимъ мнѣніямъ со стороны своего государя. Эта быстрота, съ которой Наполеонъ выразилъ согласіе на очень сложный, рискованный и фантастическій, въ сущности, планъ, даетъ большое основаніе подозрѣвать, что Персиньи былъ просто рупоромъ своего друга, не желавшаго связать собраніе изложеніемъ императорскихъ мыслей непосредственно самимъ императоромъ. Въ основныхъ чертахъ планъ состоялъ въ слѣдующемъ: завоевать Рейнъ нельзя—это встрѣтитъ сильнѣйшее сопротивленіе со стороны германскаго общественнаго мнѣнія, достигшаго максимальной высоты націоналистическаго подъема. Наговоривъ множество демагогическихъ фразъ о «принципѣ національностей», Наполеонъ, послѣ 15 лѣтъ царствованія, началъ, наконецъ, понимать, что слово становится плотью, и что съ «принципомъ національностей», въ самомъ дѣлѣ, нужно считаться. Но завладѣть рейнской границей все же можно—притомъ съ согласія, и даже при содѣйствіи той самой Пруссіи, съ которой пришлось бы воевать изъ-за попытки перенести на Рейнъ политическую границу Франціи. Дѣло въ томъ, что Пруссія тяготится территоріальной путаницей Западной Германіи, разрѣзывающей ея собственную территорію на нѣсколько кусковъ—на югъ же ея претензіи не идутъ дальше Майна. Отдать ей все, что къ востоку отъ Рейна и къ сѣверу отъ Майна—получится компактная, внутренне цѣлостная масса, съ увеличеніемъ прусскаго населенія на нѣсколько милліоновъ. Зато Пруссія должна поступиться тѣмъ, что у нея есть къ западу отъ Рейна—не въ пользу Франціи, а въ пользу медиатизированныхъ Пруссіей нѣмецкихъ князей праваго (восточнаго) рейнскаго берега. «Рейнскія провинціи» изъ прусской области превратятся въ пеструю шашечницу мелкихъ княжествъ, гдѣ вновь найдутъ свои державныя права живые памятники разгрома, до котораго когда-то довела Германію тридцатилѣтняя война¹⁾. «Съ того момента, какъ вмѣсто великой державы, какою является Пруссія, на нашей открытой границѣ будутъ только мелкія нѣмецкія государства, вставленныя между нами и ею, какъ буфера, чтобы ослабить толчки, отъ дѣла 1815 г. ничего не останется; намъ не будутъ угрожать ни съ какой стороны. Тогда, если мы будемъ достаточно ловки, если мы сумѣемъ использовать то вліяніе, которое оказываютъ на современное общество желѣзныя дороги, таможенные тарифы и коммерческія сношенія, сумѣемъ создать новые интересы между рейнскими провинціями и нашими сѣверо-восточными департа-

¹⁾ Въ газетахъ читатели могли видѣть недавно аналогичный планъ г. Ганото—только болѣе широкій, возвращавшій къ Вестфальскому миру не одну западную, а всю вообще Германію. Наполеонъ III былъ скромнѣе.

ментами, *облегчить, напимъръ, ввозъ къ намъ саррскаго угля*; наконецъ, дѣйствовать черезъ посредство нашего высшаго духовенства на католическое населеніе (прирейнской Германіи)—намъ останется немного, чтобы закончить нашу географическую конституцію. Достаточно, пробуждая воспоминанія первыхъ вѣковъ нашей исторіи, создать «Галльскую Конфедерацію», изъ Голландіи, Бельгій, Люксембурга, Рейнскихъ государствъ и Франціи, чтобы завоевать наши естественныя границы. Тогда, не затрагивая принциповъ, которые мы сами провозгласили (т. е. «принципа національностей», не оскорбляя ничьего національнаго самолюбія, съ единственной разницей—имѣть, вмѣсто префектовъ, въ Брюсселѣ, въ Гаагѣ, въ Майнцѣ, въ Кобленцѣ, государей—мы возстановимъ великую имперію во всей ея силѣ, во всемъ ея блескѣ»¹⁾).

Какъ видимъ, планъ хоть куда—у него нѣтъ недостатка даже въ «экономическомъ базисѣ», въ образѣ саррскаго каменнаго угля; мы сейчасъ увидимъ объективную подкладку этой замѣчательной строчки мемуаровъ Персиньи, показывающей, что если Наполеонъ III и былъ, какъ всѣ, орудіемъ стихійныхъ экономическихъ силъ, то онъ не былъ, во всякомъ случаѣ, слѣпымъ орудіемъ. Бѣда была въ томъ, что «саррскій уголь» нуженъ былъ самой Пруссіи, и что она лучше умѣла его сохранить и использовать, нежели ея западная сосѣдка. А въ остальномъ, проектъ 1866 г. прямо шелъ навстрѣчу тому, что развивалъ, четырьмя годами раньше, въ Парижѣ, Бисмаркъ—въ бытность свою прусскимъ посломъ при тюльрійскомъ дворѣ. «Пруссія не можетъ оставаться въ своихъ теперешнихъ границахъ», говорилъ онъ тогда: «Кассель и Нассау сжимаютъ ей животъ, Ганноверъ свихнулъ ей плечо; она виситъ на воздухѣ; ей нужно округлиться, и, въ интересахъ общеевропейской цивилизаціи, выработать себѣ болѣе уравновѣшенное тѣлосложеніе усѣсться поправѣ. А какое есть для этого другое средство, какъ не вобрать въ себя нѣсколько изъ этихъ мелкихъ государствъ, неспособныхъ къ самостоятельнымъ движеніямъ и стѣсняющихъ движенія другихъ, да опрокинуть этотъ насквозь прогнившій Германскій Союзъ, настоящий бичъ Германіи. Это расширение Пруссіи не должно беспокоить Францію; дѣло идетъ не о томъ, чтобы объединить Германію подъ одной властью; у прусскаго честолюбія есть необходимый предѣлъ: *Майнъ; дальше Пруссія не поидетъ*. Югъ будетъ принадлежать, или будетъ всегда тяготѣть къ Австріи. Пруссія независимая, свободная отъ всякаго подчиненія Россіи или Австріи, станетъ драгоцѣнной союзницей. Сколько вопросовъ,—восточный, итальянскій, даже польскій, неразрѣшенныхъ нынѣ, будутъ разрѣшены союзомъ народа Наполеона съ народомъ Фридриха Великаго. Ничто, впрочемъ, не помѣшало бы Франціи и самой округлиться, если бы она нашла это необходимымъ для своей безопасности или для своего вліянія. *О рейнскихъ провинціяхъ не можетъ быть рѣчи*,—ихъ не уступать ни за какую цѣну,—она, впрочемъ, и имѣла мудрость отъ нихъ отказаться (!): *но вотъ Бельгія—совсѣмъ готовая добыча*»...²⁾).

Читатель согласится, что человекъ, составлявшій «планъ Персиньи», имѣлъ передъ глазами—или въ твердой памяти—программу Бисмарка. Бѣда въ томъ, что программа-то относилась къ 1862 году, а планъ къ 1866-му; исторія же не прощаетъ опозданія не только на четыре года, а и на четыре дня. Не говоря уже о томъ, что Пруссія, соби-

1) «Mémoire du duc de Percigny», Paris, 1896, pp. 327—333.

2) Оливье, цит. соч., V, 555—6. Къ сожалѣнію, Оливье не даетъ точнаго указанія, передъ кѣмъ держался такіи рѣчи; можно только догадаться, что «внѣ официальныхъ круговъ»—собесѣдникомъ Бисмарка могъ быть Тьеръ или самъ Оливье.

раясь рушить «насквозь прогнившее здание Германскаго Союза», имѣла въ своемъ распоряженіи лучшую армію въ Европѣ, а на мобилизацію французской арміи — по справкамъ, предусмотрительно наведеннымъ Бисмаркомъ въ томъ же 1866 г. — нужно было 4 мѣсяца¹⁾. Вся же австро-прусская война 1866 г. длилась, какъ извѣстно, 6 недѣль: не было никакой опасности, чтобы французы были готовы въ-время. Разговоры Персиньи о «Галльской Конфедераціи» имѣли не больше практическихъ послѣдствій, чѣмъ игра любого граммофона: послушали и разошлись. Хотя сыгранная пьеса огнюдь не была плоха, и ея лейтмотивъ, «саррский уголь», отражалъ жгучую, жизненную потребность французскаго экономическаго развитія.

Начиная съ 30-хъ годовъ XIX вѣка Франція, какъ будто, захотѣла измѣнить своей традиціонной репутаціи — страны *мелкаго* производства. Въ ней начинается развиваться крупная, «машинная» индустрія. Она работаетъ не столько для внутренняго рынка, сколько для вывоза, и въ этой области не боится такой соперницы, какъ сама родина фабричнаго производства, Великобританія. Ихъ соотвѣтственный ввозъ и вывозъ давали такую картину, въ началѣ Второй имперіи:

Годъ.	Французскій ввозъ въ Англію.	Англіискій ввозъ во Францію.
	Тысячи фунтовъ	стерлинговъ.
1855	9.140	6.012
1860	17.774	5.249
1864	25.640	8.200

Французскій ввозъ увеличился почти *втрое* — тогда какъ англійскій, за тотъ же промежутокъ времени, не возросъ и на 50%. Особенно быстро, можно сказать «на глазахъ», росла французская *текстильная промышленность*.

Вывозъ изъ Франціи матерій.

(Милліоны франковъ).

Года.	шелковыхъ	шерстяныхъ	хлопчатобумажныхъ
1861	322,9	188	56,3
1862	363,2	221,5	62,3
1863	375,8	283	69,1

Машинѣ нуженъ уголь — и французскія машины «ѣли уголь» въ пропорціи, соотвѣтствовавшей росту ихъ производительности. Въ 1847 г. французская промышленность потребила 7.649 тысячъ метрич. quintalовъ (=100 килогр.) угля, изъ которыхъ 5.153 тыс. метр. quintalовъ было добыто во Франціи — въ 1859 г. первая цифра поднялась до 13.064 тысячъ метр. quintalовъ, а вторая лишь до 8.483: все бѣдшую и бѣдшую долю угля надо было ввозить. Читатель теперь понимаетъ, почему о «саррскомъ углѣ» приходилось говорить даже на ультра-торжественныхъ засѣданіяхъ императорскаго тайнаго совѣта. Дѣйствительно, только слѣзки могли потечь, если взглянуть въ сторону Рейнскихъ провинцій Германіи. Тамъ добыча угля въ XIX в. шла въ такой прогрессіи:

¹⁾ См. мемуары Перезиньи, стр. 358 и сл.

Года	милліоны тоннъ.
1850	3,2
1860	7
1870	15
1890	41

(Послѣдняя цифра заимствована нами у J. Huret «En Allemagne» Paris, 1907; предыдущія—изъ Statesman's Year book за соотвѣт. годы).

При конкуренціи съ Англіей—а, мы видѣли, для начала она была небезуслѣнна—приходилось сравнивать французскія условія, главнымъ образомъ, съ англійскими: и тутъ достаточно сказать, что въ 1862 г. французская добыча угля составляла всего $\frac{1}{10}$ англійской. Но для машинной индустріи нуженъ не только уголь, а и *железо*. Французская металлургія также обнаруживала тенденцію расти очень быстро (выплавка чугуна въ 1859 г.—859 тыс. тоннъ, въ 1862—1.053 тыс. тоннъ): но Франція до самаго конца XIX в. разсматривалась всѣми, какъ страна, обдѣленная минеральными богатствами; въ послѣдніе еще годы этого столѣтія французское производство стали было ниже русскаго—и никто тогда не повѣрилъ бы, что черезъ нѣсколько лѣтъ Франція начнетъ вывозить руду за границу. При Наполеонѣ III безпомощность Франціи въ этомъ отношеніи была настолько очевидна, что французское правительство не усомнилось понизить таможенный барьеръ передъ продуктами англійской металлургіи и, еще болѣе англійскимъ углемъ,—въ обменъ на соотвѣтствующія уступки по ввозу англійскихъ винъ и шелковыхъ матерій въ Англію¹⁾. Бисмаркъ, мы видѣли, коварно кивалъ на Бельгію, гдѣ были и уголь, и железо: но аннексировать Бельгію—значило разорвать съ Англіей, а франко-англійскій союзъ въ 1862—64 г. отнюдь еще не могъ считаться исчерпаннымъ до дна. Въ концѣ-концовъ, приходилось искать металловъ очень далеко: въ Мексикѣ.

Исторія мексиканской политики настолько тѣсно связана съ империалистскою политикой Наполеона III первой половины 60-хъ годовъ, и, въ то же время, настолько мало можетъ считаться извѣстной, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы столь далекому, географически, отъ береговъ Вислы сюжету посвятимъ пару—другую страницъ. Если пишущій эти строки долженъ былъ усвоить себѣ «англійскую» точку зрѣнія на вопросъ о мотивахъ вѣншательства Франціи въ польскія дѣла—а, стало быть, и на русско-прусскую конвенцію 8 февраля 1863 г.,—то убѣдила его въ этомъ, окончательно, именно мексиканская экспедиція: а всякій авторъ имѣетъ право вести читателя по тому пути, какимъ шелъ самъ, по возможности сокращая испытанныя имъ самимъ трудности дороги, разумѣется.

Настоящія причины мексиканской экспедиціи долгое время оставались не вполне выясненными—не только для современниковъ, но и для позднѣйшихъ историковъ, по крайней мѣрѣ, французскихъ. Первое не удивительно—по отношенію къ современникамъ принимаются, обыкновенно, всѣ мѣры, чтобы они не знали, а, гдѣ особенности, не понимали происходящаго: правительство Второй имперіи было въ этой области всеобщимъ учителемъ (русское законодательство о печати 1860-хъ г.г. есть, какъ извѣстно, копія французскаго), и до сихъ поръ осталось трудно превосходимымъ образцомъ. Второе не такъ легко можетъ быть оправдано: людямъ, вхожимъ во француз-

¹⁾ Англо-французскій торговый договоръ 23 января 1860 г.; анализъ его и вѣншнюю исторію см. у Ea Gorce «Histoіr du Second Empire», III, 213.

скіе архивы, вѣроятно, не слишкомъ трудно было достать въ 1890-хъ годахъ подлинники тѣхъ секретныхъ инструкцій Наполеона III, которыя были напечатаны мексиканскимъ историкомъ Жена́ро Гарсіа съ копій, сохранившихся въ архивѣ маршала Базэна, умершаго, какъ извѣстно, въ изгнаніи, почему его бумаги и стали общимъ достояніемъ раньше, чѣмъ это полагается документамъ такой важности¹⁾. Какъ бы то ни было совершенно ясно, что такой авторитетъ для исторіи своего времени, какъ Эм. Оливье, на котораго приходится ссылаться всякому пишущему о Второй имперіи, или не зналъ этихъ инструкцій или притворился, что не зналъ — не подозревая о сюрпризѣ, который готовятъ ему мексиканскія находки. На счетъ до сегодняшняго дня, можно сказать, остаются двѣ точки зрѣнія — официальная, императорскаго правительства, и анти-официальная, если можно такъ выразиться — республиканскихъ памфлетовъ. Первая, разумеется, изображала походъ французскихъ войскъ по Мексикѣ, какъ борьбу за свободу и цивилизацію. Въ виду извѣстнаго намъ «принципа національностей» цивилизацію украсили эпитетомъ «латинской» — вспомнивъ, что населяющіе Мексику потомки древнихъ ацтековъ говорятъ по-испански. Труднѣе было со «свободой» — такъ какъ дѣло сводилось къ замѣнѣ республиканскаго режима, утвердившагося въ Мексикѣ, монархическимъ: но тутъ на выручку пришла религія. Мексиканскіе демократы, группировавшіеся около Хуареса, были чрезвычайно послѣдовательными антиклерикалами — а во Франціи 60-хъ годовъ вліяніе католическаго духовенства было еще во много разъ сильнѣе, чѣмъ теперь. Закрытіе монастырей, конфискацію церковныхъ имуществъ и тому подобныя мѣры хуаристовъ легко было изобразить чуть ли не какъ новое гоненіе на христіанъ — и, кромѣ горсти убѣжденныхъ республиканцевъ, ни съ чьей стороны не встрѣтитъ ни возраженій, ни критики. Окончательную ретушь дали конечно «звѣрства» — совершавшіяся мексиканскими республиканцами какъ и всякимъ «врагомъ», когда это полагается по программѣ²⁾. Правда, дипломатическіе представители союзной Наполеону III Англіи удивлялись, какъ это имъ, ни ихъ подчиненнымъ не довелось быть свидѣтелями ни одного звѣрства мексиканцевъ надъ французами, но французскій представитель, знаменитый въ исторіи мексиканской авантюры Салины, гордо отвѣтилъ на это, что «французы конечно, ищутъ защиты не въ англійскихъ консульствахъ». Словомъ, въ официальномъ изображеніи дѣла все было на своемъ мѣстѣ. Изъ республиканскихъ памфлетистовъ поистинѣ гениальную пронипательность обнаружилъ, въ пониманіи политической стороны дѣла, по крайней мѣрѣ, Эдгаръ Кивэ³⁾. Онъ прямо утверждалъ, что Наполеоновскія войска плывутъ черезъ океанъ, чтобы добывать великую сѣверо-американскую демократію, казавшуюся тогда, благодаря междоусобной войнѣ, на краю гибели. Это могло представляться въ свое время особенно «памфлетнымъ» мотивомъ — что было Наполеону, у котораго хлопотъ полно въ Европѣ, гнаться за такими далекими журавлями? И при свѣтѣ опубликованныхъ въ новѣйшее время бумагъ это оказалось *буквально* вѣрнымъ. Вотъ, что писалъ Наполеонъ III въ секретной инструкціи генералу Форэ, когда тотъ былъ назначенъ главнокомандующимъ экспедиціей: «При современномъ положеніи міровой цивилизаціи благосостояніе Америки не можетъ

1) Или подлинники сгорѣли во время Коммуны?

2) Въ концѣ 1870-хъ гг., напримѣръ, въ дни англо-русскаго конфликта, въ русской печати усиленно разрабатывался мотивъ «англійскихъ звѣрствъ».

3) «Expédition du Mexique» помѣщенная Veytaux, въ Швейцаріи, 1862 годъ.

быть безразлично для Европы—такъ какъ Америка питаетъ нашу индустрію и даетъ жить нашей торговлѣ. Мы заинтересованы въ томъ, чтобы республика Соединенныхъ Штатовъ была могущественной и процвѣтающей, но въ наши интересы совсѣмъ не входитъ, чтобы она овладѣла всѣмъ Мексиканскимъ заливомъ, господствовала, благодаря этому, надъ Антильскими островами и Южной Америкой и была единственной распорядительницей продуктовъ Новаго Мира. Овладѣвъ Мексикой, а стало быть, центральной Америкой и перешейкомъ между двумя морями, Соединенные Штаты не имѣли бы болѣе соперниковъ въ Америкѣ. Если, напротивъ, Мексика отстоитъ свою независимость и сохранить въ неприкосновенности свою территорію, и если тамъ установится при помощи оружія Франціи прочное правительсто — *мы противопоставимъ захватамъ Соединенныхъ Штатовъ несокрушимую плотину*, обеспечимъ независимость антильскихъ колоній нашихъ и неблагодарной Испаніи, утвердимъ наше благотѣльное вліяніе въ центрѣ Америки, и *это вліяніе, распространяясь къ сѣверу и къ югу* создастъ огромные рынки для нашей торговли и снабдитъ необходимыми матеріалами нашу промышленность» ¹⁾.

Когда впоследствии Базенъ снабжалъ техасскихъ конфедератовъ ружьями, изъ которыхъ они должны были стрѣлять въ солдаты Линкольна, это было, какъ видимъ, столь же мало случайно, какъ и то, что, покончивъ съ конфедератами, эти солдаты не имѣли передъ собою иного врага, кромѣ французовъ въ Мексикѣ. Война Соединенныхъ Штатовъ съ Франціей изъ-за центральной Америки была бы естественнымъ логическимъ завершеніемъ американской междоусобной войны 1861—65 г.г., если бы у Наполеона III и на этотъ разъ хватило смѣлости сдѣлать то, о чемъ онъ такъ хорошо рассуждалъ. Но если Французской арміи нужно было 4 мѣсяца, чтобы мобилизоваться въ Европѣ, сколько времени и средствъ нужно было, чтобы перевезти въ Америку военныя силы, способныя дать отпоръ пятистамъ тысячамъ штыковъ генерала Гранта? Наполеонъ въ своей инструкціи обнаружилъ большую дальнзоркость, но, какъ всѣ дальнзоркіе люди, онъ онъ плохо видѣлъ вблизи: чтобы Соединенные Штаты «не имѣли соперниковъ» въ Америкѣ, вовсе не нужно было, чтобы «полосы и звѣзды» развивались надъ панамскимъ перешейкомъ—достаточно было, что онѣ взвились надъ Ричмондомъ. Побѣды сѣверянъ въ Виргиніи въ 1864—65 г.г. должны были положить конецъ мексиканской экспедиціи, и Эдгаръ Кинэ могъ бы это предсказать уже въ 1862 г.

Менѣе счастливы были республиканскіе памфлеты въ томъ, что касалось непосредственныхъ конкретныхъ мотивовъ экспедиціи. Тутъ обычно эксплуатировались связи Морни съ различными, болѣе чѣмъ темными, биржевыми дѣльцами, въ родѣ банкира Жекера, ссудившаго мексиканской республикѣ нѣсколько менѣе 2 милліоновъ франковъ и желавшаго за это получить — 75. Реализовать такого размѣра барыши было бы, дѣйствительно, трудно безъ вооруженной экспедиціи, въ любой странѣ. Поскольку эти связи засвидѣтельствованы документами — письмами Жекера къ Морни — противъ самаго факта возражать, разумѣется, не приходится. Если у кого является къ тому охота, ему ничего не остается, какъ инсинуировать, что документы поддѣланы — какъ это и пробуетъ Оливье: но, имѣя въ рукахъ доказательства, не

¹⁾ Инструкція 3 іюля 1862 г. «Documentos para la Historia de Mexico. XIV. La intervencion francesa en Mexico segun el archivo del Mariscal Bazaine». Mexico, 1907., стр. 13—15.

инсинуируютъ — иными словами, доказательствъ подлога у Оливье нѣтъ. Повторяемъ, фактъ едва ли сомнителенъ. Но къ истиннымъ причинамъ набѣга на Мексику онъ относится примѣрно такъ же, какъ операциі карманныхъ воришекъ на пожаръ — къ поджогу. Пожаръ зажгли не Морни съ Жекеромъ: вполне возможно, что первый былъ даже недоволенъ экспедиціей въ тѣхъ грандіозныхъ размѣрахъ, какіе пришлось ей дать, когда неудача первой атаки на Пуэбло сдѣлала успѣхъ вопросомъ чести французскаго оружія. Морни былъ противъ всего, что можетъ вызвать биржевую панику. А главное, нѣтъ никакой нужды *искать мотивовъ*, когда они даны намъ, въ инструкціяхъ, подписанныхъ Наполеономъ, съ рѣдкою отчетливостію. «Итакъ», заканчиваетъ уже цитированная нами инструкція генералу Форэ, только что смѣнившему побитаго подъ Пуэблою Лорансе — «наша задѣтая военная честь, требованія нашей политики, *интересъ нашей промышленности и нашей торговли*, все дѣлаетъ нашей обязанностію — идти на Мексику (т.-е. на столицу республики) и смѣло поднять надъ нимъ наше знамя...» Это общее настойчивое указаніе — мы встрѣчаемъ его, на протяжении одной инструкціи, уже второй разъ — дополняется частичными, преслѣдующими ту же цѣль. «Я забылъ вамъ сказать, что было бы чрезвычайно полезно уменьшить таможенные пошлины, которыя (въ Мексикѣ) чрезмерно высоки; это очень оживило бы нашу торговлю» (инструкція 14 апрѣля 1863). Забывчивость императора объясняется не тѣмъ, что предметъ былъ второстепенный, а тѣмъ, что дѣло представлялось само собою разумѣющимся, что ясно видно изъ примѣчанія Форэ: «Я уже распорядился понизить ихъ (пошлины) на 50%». Смѣнившій Форэ Базэнъ съ большою понятливостію шелъ по той же дорогѣ. «Совершенно очевидно, что мы должны воспользоваться нашимъ пребываніемъ въ Мексикѣ, чтобы распространить нашу торговлю, сдѣлаться, такъ сказать, господами рынка» ¹⁾. Базэнъ, въ этомъ случаѣ, не забѣгалъ впередъ, а скорѣе, напротивъ, былъ позади плановъ, выработанныхъ въ Парижѣ. Эти послѣдніе предусматривали господство французовъ не только на мексиканскомъ рынкѣ, но вообще надъ Мексикой. «Необходимо, чтобы вы были хозяиномъ Мексики, но такъ, чтобы это не было замѣтно», поучалъ Наполеонъ Форэ: «Вы должны сами устроить какое-нибудь временное првительство... изъ людей энергичныхъ и честныхъ (въ другой инструкціи это выраженіе прямѣе и откровеннѣе: «правительство по *вашему выбору*», управляющее съ помощью юнты нотаблей, «людей, *избранныхъ вами* среди богатаго класса туземцевъ»)». Разъ будетъ восстановлено спокойствіе, надо будетъ спросить мнѣніе народа, какимъ-нибудь способомъ, или при помощи чего-нибудь въ родѣ всеобщей подачи голосовъ (Наполеонъ имѣлъ въ виду, конечно, столь характерный для Второй имперіи плебисцитъ — въ другомъ мѣстѣ это опять выражено яснѣе), или назначивъ (*en faisant nommer*) конгрессъ тѣми революціонными способами, къ которымъ въ Мексикѣ привыкли...» ²⁾ Нельзя не отвести полудюжины строчекъ тѣмъ способамъ, которыми предполагалось «восстановить спокойствіе». «Чтобы восстановить порядокъ въ странѣ, хорошо будетъ объявить, какъ это дѣлается въ Африкѣ, цѣлые округа (*des localités*) отвѣтственными за убійство или воровство, совершенныя на ихъ территоріи; придется, можетъ быть, устроить въ различныхъ мѣстахъ военно-полевые суды. Смертная казнь, повидимому, на нихъ (мексиканцевъ), производить мало впечат-

¹⁾ Донесеніе императору отъ 9 сентября 1863, — *ibid*, XVI, стр. 28—9.

²⁾ Инструкція 2 февраля 1863, *ibid*. XIV, 74—75.

лвня — тѣлесное наказаніе (la bastonnade) и ссылка суть лучшія средства репрессіи. Нужно устраивать въ Мексико празднества, для развлеченія общества; ускорить постройку желѣзной дороги изъ Мексико въ Вера-крузъ; печатать въ газетахъ статьи въ пользу (французскаго) вмѣшательства, чтобы можно было ихъ перепечатывать потомъ въ Европѣ (для этого, конечно, прежде всего нужно было „установить для печати режимъ, существующій во Франціи“), словомъ, сдѣлать оккупацию столь полезной, какъ это только возможно¹⁾.

Мы видимъ, мнѣніе о «гуманности» Наполеона III отнюдь не виситъ въ воздухѣ: съ какой заботливостью этотъ человѣкъ стремился замѣнить разстрѣлъ — палочными ударами! Вообще, въ Мексикѣ отнюдь не предполагалось вводить режимъ Муравьева-Вилenskaго: ее хотѣли облагодѣтельствовать всеѣмъ тѣмъ, чѣмъ гордилась Вторая имперія у себя дома, начиная отъ городского благоустройства («...озаботиться ассенизаціей главныхъ городовъ, на улицахъ которыхъ годами не просыхаютъ лужи, становящіяся очагами заразы...»), хорошихъ путей сообщенія («...улучшить главные дороги» — мы видимъ специальное указаніе на желѣзную дорогу Мексико-Веракрузъ) и т. д. — до «прессы его величества», съ такъ хорошо знакомой русской печати «системой предостереженій», словомъ, всеѣмъ, что получила Франція послѣ 2 декабря 1858 г. взаменъ политической свободы. Отъ этой послѣдней, конечно, должна была быть освобождена и Мексика, но какимъ именно путемъ, посредствомъ ли установленія монархіи, съ австрійскимъ эрцгерцогомъ Максимиліаномъ во главѣ, или съ сохраненіемъ республиканскихъ учрежденій того типа, къ какому «привыкли въ Мексикѣ», съ французскимъ генераль-губернаторомъ на мѣстѣ президента — этотъ вопросъ интересовалъ французское правительство гораздо менѣе, чѣмъ онъ теперь интересуется его историковъ. Для Оливье стремленіе «испомѣтить» младшаго брата Франца-Иосифа является чужъ ли не главнымъ мотивомъ экспедиціи²⁾, — а для Наполеона III, во-первыхъ, будущій императоръ Максимиліанъ былъ простымъ орудіемъ въ рукахъ французовъ («что касается государя, который могъ бы занять мексиканскій престолъ, онъ всегда будетъ вынужденъ дѣйствовать въ интересахъ Франціи, не только изъ признательности, но и ... потому, что онъ въ силахъ будетъ держаться только, благодаря нашему вліянію»), а во-вторыхъ — такъ какъ въ выборѣ своихъ орудій Наполеонъ отличался широкой терпимостью — ему было все равно, будетъ ли въ Мексикѣ наводиться порядокъ съ высоты престола, или изъ мѣста, болѣе скромнаго («установить *или монархію*, если она не несовмѣстима съ національными чувствами туземцевъ, *или, по крайней мѣрѣ, прочное правительство*»). Австрійская кандидатура была не основной линіей плана, а его поправкой, какъ бы отклоненіемъ въ сторону: поправкой, чрезвычайно, конечно, характерной и тѣсно связанной съ европейскими комбинаціями Наполеона III, какъ мы сейчасъ увидимъ — но отнюдь не затемнявшей главнаго смысла экспедиціи, связи ея съ интересами французской промышленности. Даже чисто военные мелочи брались инструкціями съ этой, основной, точки зрѣнія: «Какъ только вы будете въ Мексико», писалъ Наполеонъ Форэ, «сформируйте подвижныя колонны, силою отъ полутора до двухъ тысячъ деловѣкъ... надо также занять береговые порты... въ особенности Матаморосъ, черезъ который мы можемъ связаться съ южной Америкой (импера-

¹⁾ Инструкція 14 апрѣля 1863 *ibid*, XIV, 90—98 (особ. 97).

²⁾ «L'Empire liberal», 258—260.

торъ имѣлъ въ виду, очевидно, *южные штаты* Сѣверной Америки), получить хлопокъ; но для этого нужно дѣйствовать быстро и энергично, поразить воображеніе мексиканцевъ учащенными ударами...» Тутъ мы подходимъ къ пункту, который непосредственно связываетъ мексиканскую авантюру съ данной нами выше характеристикой французской промышленности начала 60-хъ годовъ. Мы видимъ, что ахиллесовой пятой послѣдней былъ недостатокъ *минеральныхъ богатствъ*. Но въ Мексикѣ есть штатъ, исключительно выдающійся именно съ этой точки зрѣнія—это Сонора, съ ея громадными залежами серебра, свинца, мѣди, каменнаго угля, желѣза и т. д., разрабатываемыми до сихъ поръ далеко несовершенно—причемъ вывозъ этихъ продуктовъ, однако же, достигалъ 10—12 миллионъ мексиканскихъ долларовъ ежегодно. Въ американскихъ дипломатическихъ бумагахъ времени мексиканской экспедиціи сохранились указанія на спеціальный интересъ французовъ именно къ Сонорѣ,—указанія, съ чрезвычайной энергіей оспариваемыя Эмилемъ Оливье: «Сьюардъ (министръ иностранныхъ дѣлъ Линкольна) писалъ потомъ по этому поводу неосновательныя депеши. Какіе-нибудь дѣльцы, придававшіе себѣ больше важности, чѣмъ они имѣли на самомъ дѣлѣ, можетъ быть и носились съ подобной мечтой: но чтобы императоръ или его министры хотя бы одну минуту думали присвоить себѣ хотя бы одинъ дюймъ мексиканской территоріи, это ложь¹⁾» Имѣя передъ собою столь категорическое утвержденіе, весьма пикантное впечатленіе получаешь отъ инструкціи Наполеона III Базэнну: «Навести конфиденціально справки о рудникахъ Соноры и донести, насколько легко будетъ впослѣдствіи ее занять» (12 сентября 1863 г.). Мы увидимъ потомъ, что тутъ чрезвычайно характерна *дата*. Сонора появилась на сценѣ, когда лопнули почти всѣ надежды на рейнскую границу въ связи съ польскимъ возстаніемъ... Базэнъ и на этотъ разъ обнаружилъ столь же быструю смѣтку, какъ и въ вопросѣ о таможенныхъ пошлинахъ. Уже 26 октября того же года онъ доносилъ: «Въ ожиданіи сколь возможно болѣе точныхъ свѣдѣній о сонорскихъ рудникахъ, имѣю честь препроводить В. В. рапортъ, составленный на основаніи данныхъ г. Лора, присланнаго сюда инженера, который изслѣдовалъ большую часть Мексики, и былъ остановленъ въ своихъ научныхъ изысканіяхъ только апашами. Что касается оккупациі названнаго штата, я считаю ее возможной, пришлось бы только, конечно, долго бороться съ дикими туземцами, на сѣверо-восточной границѣ этого штата, нынѣ едва населеннаго изъ-за страха, который внушаютъ ихъ набѣги». Далѣе слѣдуютъ указанія возможнаго маршрута экспедиціоннаго корпуса, роли тихоокеанской эскадры и тому подобныя военныя подробности. «Эго дѣло мнѣ кажется славнымъ, выполнимымъ и особенно выгоднымъ въ видахъ преобладанія, а также торговыхъ и политическихъ интересовъ Франціи... Климатъ Соноры здоровый, и ея почва производитъ все, что можетъ отъ нея потребовать трудъ земледѣльца²⁾».

Мы начинаемъ понимать теперь, почему министры Наполеона III, передъ законодательнымъ корпусомъ, не безъ загадочности называли мексиканскую экспедицію «самымъ славнымъ дѣломъ царствованія». Сведемъ къ основнымъ пунктамъ то, что мы узнали, благодаря ряду отступленій, не безплодныхъ, какъ видитъ читатель. Во-первыхъ, мы знаемъ, что Франція начала 60-хъ годовъ, по условіямъ своего про-

¹⁾ Ibid., 257.

²⁾ «Documentes», XVI, 36 и 164—167.

мысленнаго развитія испытывала острую нужду въ минеральныхъ богатствахъ. Ради захвата ихъ предпринимались отдаленныя экспедиціи, какъ мексиканская. Но минеральныя богатства были подъ бокомъ—около самой Франціи, и даже, если хотите, подъ самой Франціей, такъ какъ нѣкоторыя угольныя шахты Саррскаго бассейна заходили въ нѣдра французской территоріи: но выходы изъ этихъ шахтъ оставались въ Пруссіи. Мы знаемъ, далѣе, что все это отлично сознавалось французскими правящими кругами, которые и долго послѣ разочарованій 1863 г. продолжали носиться съ планами аннексіи Рейнскихъ провинцій, подъ тѣмъ или другимъ соусомъ. Мы знаемъ, наконецъ, изъ словъ Бисмарка, что объ этой острой нуждѣ, и объ этихъ планахъ, знали и въ Берлинѣ: притомъ знали больше неопредѣленнаго существованія туманныхъ проектовъ—и, быть можетъ, больше, чѣмъ было въ дѣйствительности. Ясное указаніе на это даетъ одинъ, чрезвычайно любопытный отчетъ Монтебелло—французскаго посла въ Петербургѣ, какъ мы помнимъ. 9 мая 1861 г., вскорѣ послѣ первыхъ вспышекъ польской революціи, имп. Александръ II давалъ этому послу аудіенцію—въ отвѣтъ на конфиденціальное письмо Наполеона III къ царю по поводу варшавскихъ событій. Поведеніе французскаго правительства въ польскомъ вопросѣ, было тогда верхомъ корректности; французскіе министры съ видимой любовью занимались даже такими мелочами, какъ шитье, будто бы, въ Парижѣ мундировъ для польскихъ легіоновъ—а, отвѣдя это гнусное подозрѣніе отъ парижскихъ портныхъ, они простерли свою внимательность до того, что запрашивали, по данному поводу, министровъ итальянскихъ, успокоившись не прежде, чѣмъ удостовѣрились въ такой же непричастности къ дѣлу итальянскихъ иголокъ и ножницъ, какъ и французскихъ. Наполеонъ лично заявилъ старому Чарторыйскому, что французское правительство ни въ коемъ случаѣ не окажетъ ни малѣйшей помощи польскому движенію, направленному противъ Россіи. Понятно, какъ обидѣлись французы, когда Горчаковъ позволилъ себѣ намекнуть имъ, что они потому только и держатся такъ корректно, что Англія имъ отказывается помогать. Монтебелло счелъ возможнымъ напомнить объ этомъ своему высокому собесѣднику—намекнувъ, въ свою очередь, что Горчаковъ повторяетъ, несомнѣнно, англійскую версію, къ которой нужно бы относиться поосторожнѣе. Собесѣдникъ поднялъ перчатку и далъ понять, что коварство британцевъ ему хорошо извѣстно: они, вѣдь, даже Россію не стѣсняются подозрѣвать въ честолюбивыхъ замыслахъ на Востокѣ. Спеціально же о Франціи вотъ что сказалъ Александръ II: «Вы знаете, прошелъ слухъ, что я заключилъ съ Франціей договоръ, которымъ мы, будто бы, гарантировали другъ другу, съ одной стороны, рейнскую границу, съ другой—Польшу. Слухъ былъ настолько устойчивъ, что прусскій король, не вѣря ему, нашелъ все же нужнымъ написать мнѣ нѣсколько словъ. Ну, такъ вотъ: я имѣю всѣ основанія думать, что слухъ шелъ изъ Лондона, но это вполне между нами. Англійской подозрительности нѣтъ равныхъ»¹⁾.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что *договора*, встревожившаго Вильгельма I, никогда не было заключено—иначе теперь, въ 1916 г., мы знали бы объ этомъ больше. Но слѣдуетъ ли отсюда, что изъ пословицы «нѣтъ дыму безъ огня» нужно дѣлать исключеніе—для лондонскихъ слуховъ? Русско-французскій союзъ, выко

¹⁾ Бесѣду цѣликомъ приводитъ Ollivier, цит. соч., 103—7. Ср. Roux, 318.

Горчаковым¹⁾, шелъ довольно далеко, какъ показывается, хотя бы бѣсѣда послѣдняго съ тѣмъ же Монтебелло въ сентябрѣ 1859 г.—вскорѣ послѣ франко-австрійской войны, гдѣ Россія была, явно и открыто, въ положеніи дружественнаго нейтралитета по отношенію къ Франціи, и враждебнаго—по отношенію къ Австріи. Монтебелло напомнилъ русскому министру обѣщаніе Россіи «воспротивиться», если бы Пруссія вмѣшалась въ войну на сторонѣ Австріи, чего требовало германское общественное мнѣніе послѣ Мадженты. Горчаковъ отвѣтилъ, что Россія готова была сдержать обѣщаніе, и что объ этомъ было написано въ Берлинѣ, хотя и въ самой дружеской формѣ—но слово «война», однако, было произнесено. Монтебелло выразилъ удивленіе, что онъ не былъ объ этомъ извѣщенъ въ свое время—и удовольствіе, что Россія въ такой точности исполнила пожеланіе Франціи—держаться относительно пруссаковъ такъ именно, какъ они сами будутъ держаться: «война за войну, нейтралитетъ за нейтралитетъ». Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, правду говорилъ Горчаковъ или лгалъ—какъ склоненъ думать французскій историкъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія: онъ и недоконченный характеръ кампаніи 1859 г. готовъ объяснить вялымъ и неискреннимъ поведеніемъ петербургскаго кабинета, который, будто бы, все время колебался между своими «традиціонными симпатіями» къ Пруссіи (мы видѣли въ прошломъ очеркѣ, чего эти «симпатіи» стоили), и своими формальными обязанностями относительно Франціи, внушивъ тѣмъ Наполеону III опасеніе—остаться, въ концѣ-концовъ, изолированнымъ передъ лицомъ объединившейся Германіи: это именно, по мнѣнію г. Шарля-Ру, и послужило ближайшимъ поводомъ къ заключенію виллафранкскаго перемирія²⁾. Оставимъ это, въ данномъ случаѣ постороннее для насъ, обстоятельство: но, разсуждая о возможныхъ перспективахъ «сопротивленія» воинственнымъ намѣреніямъ Пруссіи, должны же были союзницы представлять себѣ какъ-нибудь исходъ войны, если бы она, въ самомъ дѣлѣ, имѣла мѣсто? А въ гаданіяхъ объ этомъ исходѣ не занимала ли какого-нибудь мѣста и рейнская граница? Трудно повѣрить противоположному, зная, до какой степени послѣдняя гипнотизировала Наполеона III и весь его антуражъ.

IV.

При свѣтѣ «англійской» гипотезы, гласящей, что событія на Вислѣ были для Наполеона III лишь предлогомъ начать войну на Рейнѣ, становятся понятны тысячи мелочей—въ родѣ, напримѣръ, той, что на коронацію Вильгельма I, въ 1861 г., былъ отправленъ самый блестящій изъ генераловъ тогдашней французской арміи, герой Мадженты, маршалъ Макъ-Магонъ, какъ разъ передъ этимъ назначенный командиромъ корпуса, стоявшаго на прусской границѣ. Случайное совпаденіе, конечно, но давшее будущему главнокомандующему 1870 года случай видѣть лицомъ къ лицу своего возможнаго прогивника. Неизвѣстно, видѣлъ ли что-нибудь Макъ-Магонъ такъ, какъ удавалось видѣть прусскимъ офицерамъ, которыхъ командировалъ Бисмаркъ во Францію. Но можно думать, что «честная старая шпага» и въ этомъ случаѣ оказалась «честной шпагой»—не болѣе: администра-

¹⁾ Объ этомъ союзѣ писалось достаточно въ русской литературѣ: см., напр. Татищева, «Александръ II», т. I, стр. 227—47 и др.

²⁾ Fr. Charles-Roux «La France et l'entente russo-prussienne après la guerre de Crimée», Paris, 1913, стр. 30—31.

ція Наполеона III была не мало удивлена, когда маршалъ вернулъ ей крупный остатокъ отъ суммы, ассигнованной въ его безконтрольное распоряженіе; между тѣмъ, онъ въ Берлинѣ задавалъ балы, которые для скромной тогда столицы прусскихъ королей были событіемъ. Повидимому, Макъ-Магонъ просто не понялъ, зачѣмъ ему дали столько денегъ,—и послѣ его поѣздки въ Берлинъ, въ Парижъ, вѣроятно, остались такъ же мало освѣдомлены относительно подготовительной работы Мольтке, какъ и до нея. Становится понятенъ и, почти страстный, интересъ императрицы Евгении къ ружью Шасспо—и въ этомъ, увы! нѣмцы предупредили,—и многое другое ¹⁾).

Становится понятна и русско-прусская конвенція 8 февраля 1863 г. Какъ и въ 1831 году, услуга Россіи была страховкой отъ русско-французскаго союза, направленнаго противъ Пруссіи. Союзъ—въ этомъ направленіи—былъ только возможностью, но возможность казалась въ Берлинѣ очень близкой, и такъ какъ во главѣ прусской политики тогда стоялъ человекъ, только что вернувшійся изъ Россіи (послѣ своего посольства въ Петербургъ, и до назначенія министромъ, Бисмаркъ былъ лишь короткое время посломъ въ Парижъ), во всякомъ случаѣ лучше всего знавшій именно русскія отношенія—и знавшій ихъ, вѣроятно, лучше, чѣмъ кто бы то ни было тогда въ Западной Европѣ,—то мы едва ли имѣемъ право предполагать здѣсь очень грубую ошибку со стороны берлинскаго кабинета. Что Бисмаркъ скользитъ мимо этой стороны вопроса въ своихъ мемуарахъ, это, опять-таки, болѣе, чѣмъ понятно: нельзя изображать себя въ Петербургѣ «какъ дома»—и, въ то же время, признаваться, что Петербургъ, въ это самое время, былъ накануне союза съ Парижемъ противъ Берлина. Больше нѣсколькихъ недоброжелательныхъ кивковъ по адресу Горчакова, политика котораго при этомъ тщательно отгораживалась отъ политики Александра II, авторъ мемуаровъ не могъ дать. Въ бесѣдахъ практическаго характера, и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событий, стѣснялись менѣе. «Принцъ Гогенцоллернъ въ разговорѣ со мной, нѣсколько дней назадъ, объ иностранной политикѣ прусскаго правительства, сказалъ, что однимъ изъ главныхъ объектовъ этой политики является низверженіе кн. Горчакова», писалъ Росселю англійскій посолъ въ Берлинѣ: «такъ какъ желаніе Горчакова устроить русско-французскій союзъ является, по ихъ (пруссиковъ) мнѣнію, единственнымъ препятствіемъ на пути къ восстановленію тѣхъ отношеній, какія существовали между тремя сѣверными дворами (т.-е. Россіей, Австріей и Пруссіей) до Крымской войны. Это мнѣніе вполне подтверждается недавними отзывами г. фонъ Бисмарка, въ разговорахъ со мной, о русскомъ вице-канцлерѣ и о борьбѣ русской и нѣмецкой партій въ Петербургѣ, въ связи съ польской политикой, а также въ связи съ отношеніями, какія существуютъ у Россіи къ Германіи и къ Франціи» ²⁾. А двѣ недѣли спустя не нужно было уже косвенныхъ заключеній отъ «отзывовъ»: «Въ разговорѣ со мной сегодня утромъ» доносилъ Бюкененъ отъ 4 апрѣля, «г. фонъ Бисмаркъ сказалъ, что Германія теперь догадалась, что конвенція 8 февраля не была совсѣмъ бесполезна, такъ какъ она *разрушила горчаковский планъ русско-фран-*

¹⁾ О поѣздкѣ Макъ-Магона см. у Laforge, «Histoire complète du Maréchal Mac Mahon», Paris, 1898, vol. 1. Для французской подготовки см. Bapst «Le Maréchal Canrobert», IV, особ. 43 и 50. Разсказанныя имъ событія, конечно, позднѣе 1863 г.—но вопросъ о Рейнѣ не сходилъ съ очереди всю первую половину 60-хъ годовъ.

²⁾ Сэръ А. Бюкененъ Росселю, 21 марта 1863. Confidential Correspondence, 257—8.

цузскаго союза»... ¹⁾ Прямѣ людямъ дипломатическаго званія выражаться даже и не полагается...

Но паденіе всякихъ расчетовъ на содѣйствіе Россіи, въ дѣлѣ добыванія «саррскаго угля», какъ мы видѣли, не обезкуражило Наполеона III: онъ лишь круто повернулъ отъ русско-французскаго союза къ франко-австрійскому. Поворотъ былъ крутой не только потому, что Сольфериному сраженію не минуло еще и четырехъ лѣтъ. Дружба съ Австріей означала переходъ на Востокъ отъ руссофильской политики къ руссофобской: и мы видѣли, что Наполеонъ на это шелъ, обѣщая Меттерниху поддержку Франціи австрійской восточной политикѣ. Неудача императора французовъ и заключалась не въ томъ, что онъ не сумѣлъ предупредить конвенцію Альвенслебена: трудно представить себѣ, какъ могъ бы онъ это сдѣлать, не выдавъ окончательно поляковъ, т.-е. не отказавшись окончательно отъ возстановленія имперіи Наполеона I,—а это онъ считалъ своей миссіей. Неудача состояла въ томъ, что всѣ жертвоприношенія на алтарѣ новой дружбы оказались безплодными. Австрія не пошла дальше участія въ «дипломатической кампаніи», достаточной, чтобы еще углубить пропасть, уже успѣвшую образоваться между Франціей и Россіей, но не могшей отнюдь замѣнить военной кампаніи, въ союзѣ съ Франціей, противъ Пруссіи. Дѣятели польскаго возстанія видѣли въ этой неудачѣ Наполеона III главную причину своей собственной неудачи: возстаніе имѣло шансы на успѣхъ лишь при условіи непосредственной военной поддержки одной изъ великихъ державъ. Франція непосредственной поддержки оказать не могла, Австрія не захотѣла: тѣмъ самымъ, повстаніе уже отдано было на жертву русскимъ штыкамъ. Но, понимая все роковое значеніе неудачи Франціи, поляки неявно видѣли ея причины: имъ казалось, что дѣло—въ недовѣріи Австріи къ ея вчерашнему побѣдителю въ томъ, что Австрія шла на поводу британской дипломатіи: а какъ та относилась къ рейнскимъ планамъ Наполеона, мы видѣли ²⁾. Официальная Австрія давала другія объясненія своего отказа. Австрійскій премьеръ писалъ кн. Меттерниху, что его правительство отказывается присоединиться къ французскому выступленію противъ Пруссіи исключительно «съ точки зрѣнія положенія Австріи, общихъ принциповъ ея политики, и ея специальныхъ интересовъ въ польскомъ вопросѣ». — «Польскіе подданные императора, нашего августѣйшаго государя, могутъ оцѣнить дѣйствительныя благодѣянія, которыя имъ оказываются, лишь при условіи, что не будутъ поощряться иллюзіи, которыя сдѣлали бы ихъ нечувствительными къ этимъ благодѣяніямъ» ³⁾. Галиція, потеря которой Австріей въ пользу возстановляемой Польши, какъ мы помнимъ, сама собою подразумевалась въ планѣ Наполеона—«одинъ изъ лучшихъ питомниковъ австрійской арміи», какъ выразился тотъ же гр. Рехбергъ по другому поводу, говоря съ англійскимъ посломъ въ Вѣнѣ. «Ея крестьяне принадлежать къ лояльнѣйшимъ вѣрноподаннымъ императора, и всегда, въ трудныя минуты, являлись первыми на защиту интересовъ имперіи»... ⁴⁾. Рехбергъ имѣлъ въ виду, вѣроятно, галиційскую жакерію 1846 г.—ту самую, которая сдѣлала руссофиломъ Вѣлепольскаго, и вообще такъ много способствовала образованію «угодовской» партіи среди помѣ-

¹⁾ Ibid., 328.

²⁾ Kosmian, стр. 33—35.

³⁾ Гр. Рехбергъ кн. Меттерниху 27 февраля 1863 г. «Confidential correspondence», 135.

⁴⁾ Лордъ Блаумфильдъ гр. Росселю, «Conf. Correspondence», 159.

щиковъ русской Польши. Этотъ мотивъ—невозможность для Австріи разстаться съ Галиціей и содѣйствовать пожару въ собственномъ домѣ, поощряя «пагубныя иллюзіи» русскихъ поляковъ—красной нитью проходитъ черезъ всѣ бумаги, выходившія изъ вѣнской канцеляріи, и черезъ всѣ рѣчи, державшіяся австрійскими дипломатами въ разныхъ столицахъ Европы ¹⁾. Мотивъ вызываетъ недовѣріе къ себѣ—несоответствіемъ его размѣровъ съ размѣрами той пѣли, отъ которой отказывались: неужели Галиція была для Австріи дороже ея гегемоніи въ Германіи—о чемъ шла рѣчь, въ случаѣ разгрома пруссаковъ на Рейнѣ? Австрійская политика можетъ показаться крайне близорукой и ограниченной. Въ извѣстной степени она и страдала этимъ недостаткомъ, конечно,—но не такъ сильно, какъ можно думать. Галиція была только ширмой, за которой прятались мотивы болѣе серьезные—и ширму иногда пріоткрывали, не передъ французами, хотя, подъ конецъ, то, что было за ней, увидали и французы. «Въ чемъ состоитъ роль Франціи въ настоящую минуту?» спрашивалъ тотъ же Рехбергъ того же Блумфильда нѣсколько дней спустя послѣ цитированной нами бумаги. И отвѣчалъ самъ: «Въ томъ, чтобы произвести смуту въ Европѣ. Въ польскомъ вопросѣ она (Франція) увидала предлогъ создать замѣшательства, которыя оправдали бы ея вооруженное выступленіе, могущее повести къ войнѣ на Рейнѣ. Пруссія должна лишиться своихъ рейнскихъ провинцій, и ее вознаграждать за это аннексіями въ Германіи. Къ этому ведетъ эту страну политика г. фонъ Бисмарка, сказалъ гр. Рехбергъ: онъ думаетъ, поэтому, что Австріи и Англіи надлежитъ хорошенько взвѣсить, какъ далеко могутъ онѣ идти въ польскомъ вопросѣ, не отступая отъ благоразумія... Гр. Рехбергъ сказалъ, что онъ чрезвычайно хотѣлъ бы придти къ соглашенію съ вашимъ лордствомъ не только по польскому, но и по другимъ европейскимъ вопросамъ, и что онъ думаетъ, что Англія и Австрія одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы помѣшать императору французовъ въ осуществленіи его проекта—исправить карту Европы» ²⁾.

Итакъ, Наполеонъ III добивался «войти въ соглашеніе по всѣмъ вопросамъ» съ Австріей, за спиной Великобританіи, а оказывалось, что Австрія желаетъ «войти въ соглашеніе по всѣмъ вопросамъ» именно съ Великобританіей... Велико должно быть разочарованіе императора французовъ—мы увидимъ, къ какому, не столько отчаянному, сколько выдающему отчаянію, шагу онъ прибѣгнулъ, когда истина стала для него ясна. Но что было движущимъ мотивомъ Австріи, точнѣе Рехберга? Мы видимъ, что по части скептическаго отношенія къ планамъ Наполеона англичанамъ нечему было его учить. На какой почвѣ выросъ этотъ скептицизмъ? Послѣдній, оставшійся еще закрытымъ, уголокъ завѣсы поднимаютъ мемуары Бисмарка—на этотъ разъ ничего не затушевывающіе, ибо тутъ вся честь доставалась ему. Австрія такъ горячо вступалась за интересы всей Германіи на Рейнѣ потому, что она, въ это время, носилась съ проектомъ объединенія *всей Германіи подъ австрійской гегемоніей, притомъ съ помощью Пруссіи*. Орудіемъ для осуществленія этого плана долженъ былъ служить съѣздъ князей Германскаго союза во Франкфуртѣ, приглашенія на который были разосланы только 31 іюля 1863 г., но мысль о которомъ возникла гораздо раньше, какъ видно изъ разговора, происходившаго у

¹⁾ См. напр., тамъ же №№ 189, 206 и др.

²⁾ Блумфильдъ Росселю, 12 марта 1863. Ibid., 187.

Бисмарка съ австрійскимъ посломъ гр. Каролли еще въ декабрь 1862 г.¹⁾. Уже въ этомъ разговорѣ Бисмаркъ подалъ австрійцамъ надежду на содѣйствіе Пруссіи, если тѣ согласятся трактовать ее по достоинству—какъ великую державу. Бисмаркъ имѣлъ въ виду, конечно, стереть послѣдніе слѣды «ольмюцскихъ пунктацій» (см. предыдущій очеркъ, стр. 101). Но австрійцы, повидимому, поняли дѣло болѣе вышше—и ограничились тѣмъ, что обставили приглашеніе Вильгельма I на съѣздъ необыкновенной помпой: за нимъ былъ посланъ король саксонскій, въ ту минуту, когда весь синклитъ князей былъ уже въ сборѣ, и недоставало только прусскаго короля, да австрійскаго императора. Вильгельмъ не былъ нечувствителенъ къ такому почету: «Тридцать государей меня ждутъ, и король является въ качествѣ курьера!» въ упоеніи повторялъ онъ передъ своимъ министромъ, всѣми силами не пускавшимъ своего государя на съѣздъ. Бисмарку нужны были реальные уступки, а не эта мишура, ради которой Пруссія должна была лишиться сочувствія германскаго общественнаго мнѣнія, цѣнившаго въ ней именно оппонентку реакціонной Австріи. Цѣною крайняго, даже физическаго, утомленія Бисмарку удалось настоять на своемъ—и онъ былъ вознагражденъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда австрійскія войска пошли вмѣстѣ съ прусскими завоевывать для Пруссіи датскій Шлезвигъ. Австрія хотѣла использовать соперницу—использовали ее самое. Не Рехбергу было тягаться съ Бисмаркомъ на полѣ дипломатической борьбы... Но когда Наполеонъ III дѣлалъ свои попытки, весь планъ еще былъ въ полномъ цвѣтѣ—и странно было бы отказываться отъ ожидаемыхъ плодовъ ради дипломатическихъ проектовъ французскаго императора. Идти на эти проекты значило бы сдѣлать двойную ошибку—не только порвать съ Пруссіей, въ которой уже видѣли завтрашнюю союзницу, но и, уступкой нѣмецкой области французамъ, возстановить противъ себя общественное мнѣніе Германіи, т.-е. разрывая съ Пруссіей, дать этой послѣдней въ руки страшное оружіе въ ся соперничествѣ съ имперіей Габсбурговъ. И за это послѣдняя должна была еще согласиться на ампутацію Венеціи и Галиціи. Если Наполеонъ совершенно правильно оцѣнивалъ интересы французской промышленности въ настоящій моментъ, внутри-германскія отношенія оставались для него закрытой книгой. Какъ многіе французы, онъ былъ лучшимъ экономистомъ, чѣмъ географомъ—все не французское было для него «китайской грамотой».

Повѣдка Меттерниха въ Вѣну не дала никакого результата. Онъ не только не привезъ оттуда утвержденія набросаннаго въ Парижѣ проекта союзнаго трактата²⁾, но даже никакого обѣщанія, ни одного обнадеживающаго слова Рехберга или Франца-Иосифа. Первою мыслью Наполеона было то, что для поляковъ осталось окончательнымъ объясненіемъ—зловредное вліяніе Англіи. Онъ рѣшилъ взять быка за рога, и 19 марта (всѣ событія, какъ видимъ, развертываются на протяженіе двухъ мѣсяцевъ, съ начала февраля до начала апрѣля) пригласилъ къ себѣ лорда Каулея. Англичанину было категорически заявлено, что тюильрійскій дворъ и не думаетъ объ аннексіи лѣваго берега Рейна, что все это—выдумки газетъ; всѣ разсужденія публики на эту тему были презрительно охарактеризованы какъ «канканъ»—и напрасно англійская печать придаетъ этому «канкану» какое-нибудь значеніе.

1) «Gedanken u. Erinnerungen», 1, 335.

2) Этотъ набросокъ напечатанъ въ Confidential Correspondence на стр. 245. Въ немъ характерно стремленіе обойти все конкретное—нѣтъ ни слова и о возстановленіи Польши. Польское возстаніе упоминается лишь, какъ поводъ для заключенія трактата.

Каулей достаточно долго жилъ въ Парижѣ, чтобы знать, какую роль играютъ во Второй имперіи газеты (мы помнимъ его опредѣленіе: «пресса императора»), и онъ позволилъ себѣ отвѣтить колкостью, въ его устахъ звучавшею иначе, нежели въ устахъ Меттерниха его шутивая реплика насчетъ «ампутаций», которыми грозитъ Австріи дружба съ Франціей: тотъ былъ свой человѣкъ въ Тюильри и могъ говорить «по-пріятельски», а съ Англіей въ этотъ моментъ отношенія были очень щекотливыя. Каулей напомнилъ Наполеону, что, вѣдь, относительно Савойи и Ниццы тоже даны были опредѣленные обѣщанія, а онъ, однако же, были аннексированы подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія Франціи: то же можетъ случиться и теперь. Императоръ, по-видимому, не нашелъ на это отвѣта, и сталъ толковать о трудностяхъ, какія причиняетъ ему польскій вопросъ: онъ ломаетъ себѣ голову, ища выхода—но все тщетно. При этомъ было отмѣчено, что отношенія къ Россіи остаются, несмотря ни на что, дружественными. Въ отвѣтъ Каулей развилъ планъ дипломатическаго выступленія, по польскому вопросу, всѣхъ европейскихъ державъ. Это было не совсѣмъ то, что имѣлъ въ виду Наполеонъ, вмѣшиваясь въ польское дѣло—вѣрнѣе, это было совсѣмъ не то: вмѣсто войны съ Пруссіей получалась дипломатическая кампанія противъ Россіи. Онъ сталъ толковать о необходимости отсрочить дѣло до полученія окончательнаго отвѣта отъ Австріи,—пытаясь, въ то же время, использовать австрійскую холодность, поскольку она уже выяснилась, какъ гарантію мирнаго характера предполагавшейся демонстраціи: «безъ Австріи воевать нельзя», говорилъ Наполеонъ¹⁾. Но англичане вовсе и не хотѣли воевать: имъ, какъ и пруссакамъ—только по другимъ мотивамъ (изъ-за восточныхъ дѣлъ), нужно было разстроить русско-французскій союзъ—а участіемъ Франціи въ общеевропейскомъ выступленіи *противъ Россіи* это достигалось въ достаточной степени. Тѣмъ лучше, если французозъ съ ихъ нотой выпроводятъ изъ Петербурга—имъ труднѣе будетъ туда вернуться. Поэтому, британская дипломатія не прочь была даже придать бодрости Горчакову, давъ ему понять, что войны, въ сущности, бояться нечего. Англійскій посолъ при петербургскомъ дворѣ, лордъ Непиръ, сказалъ это всѣми словами—и хотъ взялъ эти слова, по требованію Росселя, обратно, сдѣлавъ это такъ, что полученное впечатлѣніе сохранилось²⁾.

Разговоръ съ Каулеемъ только запуталъ дѣло. Тогда началось то, что Каулей, въ одной изъ послѣдующихъ своихъ депешъ³⁾, назвалъ «политическимъ аукціономъ»: Наполеонъ рѣшилъ выбросить за бортъ главный балластъ, Венецію, неосторожнымъ упоминаніемъ о которой онъ готовъ былъ теперь объяснять неудачу своего плана (не забудемъ, что настоящій планъ Австріи все время оставался ему неяснымъ)—шантажируя, въ то же время, австрійцевъ проектомъ возстановленія Польши—съ Познанью и Галиціей—подъ властью одного изъ русскихъ великихъ князей, или герцога Лейхтенбергскаго. Французскій посолъ въ Вѣнѣ, герцогъ Грамонъ, «шутливо» говорилъ Рехбергу, что Австріи не стоитъ очень грустить о Галиціи, разъ Пруссія одновременно потеряетъ Познань. Но Рехбергъ, увѣренный въ Пруссіи гораздо больше, чѣмъ слѣдовало, твердо шелъ къ своей цѣли. Тѣмъ временемъ Франція, подталкиваемая Англіей, дѣлала одинъ дипломатическій шагъ за другимъ по пути къ разрыву съ Россіей. 17 апрѣля (н. ст.) представители

¹⁾ Каулей Росселю, отъ 19 марта 1863. Confidential Corresp. № 240.

²⁾ Charles-Roux «Alexandre II etc.», p. 350—351.

³⁾ Отъ 21 марта: Conf. Corr. 250.

Англии, Франции и Австрии въ Петербургѣ (на этотъ разъ Австрію не приходилось тащить за уши!) прочли кн. Горчакову ноты по польскому вопросу. Англійская была самая грубая по формѣ—но, въ сущности, вполне безобидная со стороны своего практическаго значенія. Австрійская продолжала, въ сущности, разрабатывать универсальный мотивъ—о желательности спокойствія для Галиціи. Эта тема вездѣ годилась... Одна французская ставила вопросъ если о независимости, то объ автономіи Польши. «Съ этого дня, въ глазахъ Александра II и Горчакова, Франция сдѣлалась противникомъ—противникомъ, съ которымъ приходится считаться, но все-таки противникомъ», говоритъ французскій историкъ¹⁾. «Банкротство русско-французскаго «добраго согласія» естественно, пробудило старыя привязанности. Пруссія—единственная, оставшаяся безусловно вѣрной, стяжала общія симпатіи и признательность». Но характерно, что и на Австрію не сердились: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь у нея была Галиція—свое добро всякому дорого. И французскій посолъ въ Петербургѣ, герцогъ Монтебелло, правильно отмѣтилъ, что своимъ вмѣшательствомъ (онъ былъ противъ него всей душой) Франция не только разрушила свой союзъ съ Россіей, но и сыграла игру Австріи, облегчивъ ей сближеніе съ тою же Россіей черезъ Пруссію. Одна Франция оказывалась виноватой въ глазахъ Петербурга—а логика положенія заставляла ее дѣлать одно «преступленіе» за другимъ. Уже въ мартѣ Наполеонъ говорилъ Каулею, что онъ не вѣрить въ успѣхъ польскаго возстанія—а еще въ іюнѣ Франция приняла участіе въ постановкѣ Россіи знаменитыхъ «шести пунктовъ», сводившихся къ восстановленію въ Польшѣ конституціи Александра I (нота 17 іюня н. ст.). Къ этому періоду относится собственноручное письмо императора Александра II Вильгельму I, спрашивавшее—готова ли Пруссія оказать Россіи вооруженную поддержку, если понадобится? Армія самой Россіи уже давно была на военномъ положеніи. Но въ Берлинѣ знали то, что, повидимому, было неизвѣстно въ Петербургѣ: что императоръ Наполеонъ не знаетъ, какъ ему выпутаться изъ англійскихъ сѣтей, и что его притязанія теперь «скромнѣе, чѣмъ когда бы то ни было» по оцѣнкѣ прусскаго посла въ Парижѣ гр. Гольца. Скромность достаточно измѣряется тѣмъ, что онъ надѣялся добиться отъ Александра II конституціи для поляковъ—при помощи Пруссіи. Гольцъ былъ очень за этотъ планъ, но Бисмаркъ его отклонилъ: ему выпутывать Наполеона изъ бѣды не представлялось надобности²⁾.

Бисмаркъ не могъ однако ограничиться тихимъ торжествомъ—и не подразнить поверженнаго противника. Польскій вопросъ началъ закрываться другимъ. Вставалъ вопросъ о Шлезвигѣ и Голштиніи. Наполеонъ III по случаю восшествія на престолъ Христіана IX командировалъ въ Копенгагенъ генерала Флери, который долженъ былъ проѣхать черезъ Берлинъ и говорить тамъ съ Бисмаркомъ. Французскій императоръ въ это время пересталъ носиться съ планами о все-европейской войнѣ—но увлекался планомъ все-европейскаго конгресса. На конгрессѣ должны были рѣшиться судьбы между прочимъ и Польши. Бисмаркъ высказался категорически противъ этого и въ такой формѣ: «Лучше смерть, чѣмъ согласиться подвергнуть спору наши права на Познань. Я бы скорѣе согласился уступить рейнскія провинціи». Бисмаркъ хотѣлъ этимъ сказать: Ваши теперешнія предложенія еще недѣлѣе прежнихъ. Но Флери, услыжавъ слово «Рейнъ», насторожился—и

¹⁾ Charles-Roux, цит. 347.

²⁾ «Gedanken u. Erinnerungen», I, 311—313.

затрепетать от восторга. «Слово произнесено» телеграфировалъ онъ Наполеону: «нужно ли настаивать»? Въ Тюильри поняли насмѣшку—и оттуда послѣдовалъ досадливый отвѣтъ: «Не говорите о Рейнѣ и успокойте ихъ насчетъ Познани»¹⁾.

Но была своя минута торжества—увы! грустнаго—и у отправителя этой телеграммы. «Въ концѣ мая 1866 г.» рассказываетъ, Персинъ «я былъ на лоншанскихъ скачкахъ... Вдругъ ко мнѣ подходитъ кн. Меттернихъ и говорить что онъ прѣхалъ на скачки въ надеждѣ видѣть императора; не найдя его онъ проситъ меня пойти и попросить для него аудіенцію у его величества. Онъ прибавилъ, что для сокращенія времени я могу сейчасъ же сообщить императору предложеніе, которое онъ, Меттернихъ имѣетъ сдѣлать отъ имени своего правительства. Вотъ оно: Австрія соглашается уступить Венецію Итали на двухъ условіяхъ: первое, что Франція и Італія сохранять нейтралитетъ въ австро-прусскомъ конфликтѣ; второе, если Австрія выйдетъ побѣдительницей изъ борьбы, она вознаградитъ себя за потерю Венеціи Силезіей, не притязая ни на что болѣе; наконецъ Меттернихъ прибавлялъ, что въ вопросѣ о рейнскихъ провинціяхъ Австріи неудобно распорядиться германской территоріей въ пользу Франціи; но такъ какъ это вопросъ преимущественно прусско-французскій, то, если эта территорія такъ или иначе попадетъ въ наши (французскія) руки, Австрія этому не воспротивится»²⁾.

Наполеонъ III долженъ былъ горько усмѣхнуться, услыхавъ это. Італія была уже союзницей Пруссіи—съ его вѣдома и по его инициативѣ... Австрія снова показала свою способность опоздать «на одну идею»—и притомъ не на одинъ годъ, а на цѣлыхъ три.

¹⁾ Souvenir du général C-te Fleury, 283—285.

²⁾ «Mémoires», 358.